

Хроника гнусных времен

Автор:

Татьяна Устинова

Хроника гнусных времен

Татьяна Витальевна Устинова

Кирилл никак не предполагал, что девушка в очках по имени Настя окажется ему настолько дорога, и он, плюнув на поездку в Дублин, будет заниматься расследованием смерти ее бабушки! Настя не верит, что бабушка погибла, уронив в ванну фен. Кирилл, обследовав дом, согласен с ней. И теперь не только Насте и ее родственникам, но и Кириллу хочется выяснить: на какие деньги полвека безбедно существовала старушка, которая оставила в наследство и бриллиантовое кольцо стоимостью в сто тысяч долларов, и домик на берегу Финского залива, и старинную библиотеку? И кто это шарит вокруг дома в темноте, кто пытается уморить наследников старушки и отыскать остальные сокровища?

Татьяна Устинова

Хроника гнусных времен

«Только теперь Спящая красавица умерла.

Людоед до сих пор жив и работает в городском ломбарде оценщиком».

Евгений Шварц «Тень».

Это очень просто. Нужно только ни о чем не думать.

Все будет хорошо. Просто не думать о том, как это будет. Нельзя жалеть старуху. Хватит, пожила, пусть теперь даст пожить другим. Конечно, она ни в чем не виновата, но раз уж она оказалась прямо на пути, то и черт с ней. Ждать, когда помрет сама, – некогда. Времени мало, очень мало, совсем нет. Еще чуть-чуть, и она может открыть тайну, и тогда руки будут связаны. Надо успеть управиться.

Успеет!..

В коридоре горели всего две лампы, и пахло цветочным мылом и еще какой-то парфюмерией – старуха наводила красоту. Это она умела. Никто в жизни не дал бы ей ее семьдесят с гаком.

Лето, жара, питерское солнце, ошалев от собственной смелости, плавит асфальт. Упоительно, как бывает только в детстве, пахнет битумом, свежескошенной травой и водой из Невы. Бабушка покупает мороженое. Она всегда покупает мороженого столько, сколько захочешь. Хоть у каждого ларька. Продавщица улыбается, шершавый толстенький вафельный стаканчик увесисто холодит ладонь, и мороженое сверху сразу начинает подтаивать, и его приятно слизывать, и язык становится ванильным и твердым от холода. Бабушка хохочет – она никогда не смеется просто, она всегда хохочет, у нее белые зубы и веселые морщинки вокруг глаз, – и поправляет невесомый газовый шарф в стиле пятидесятых, который летит в невском ветру и питерском солнце как будто сам по себе. А у Исаакия – это всем известно – стоит еще одна тележка с мороженым, и, когда они дойдут до нее, бабушка купит еще, и можно не бояться, что это кончится слишком быстро.

Через минуту, если все пойдет по плану, она умрет.

И зачем только вспомнилось это дурацкое мороженое!..

Она весело прожила все свои семьдесят с гаком, ну и хватит, и все, и не надо думать об этом! Это просто дело, такое же, как все остальные дела. Ну пусть не такое же, но дело, только и всего. Ничего личного. Никаких воспоминаний, и черт с ним, с этим мороженым!..

Все было приготовлено заранее.

Вода плескалась, и старуха что-то пела себе под нос. Ей-то легко – она ничего не поймет и ни о чем не узнает. Ей было легко всю жизнь, и сейчас, в такой ответственный момент, ей тоже легко – почему такая несправедливость!

Дверь не скрипнула, стоило похвалить себя за предусмотрительность. Старуха сидела спиной, пела и любовно намыливала длинную, розовую от горячей воды руку. У нее были прямые плечи, и волосы забраны под цветастую косынку, и на шее не видно никаких морщин. Сознание на минуту сдвинулось и поехало куда-то – может, это и не старуха вовсе? Может, нужно обойти ее и... посмотреть?.. Чтобы не ошибиться?

Нет. Смотреть нельзя.

Два тоненьких проводочка вдруг как будто раскалились и теперь жгли ладонь, и не было стаканчика с мороженым, чтобы остудить ее.

Теперь быстрее. Нечего просто так таращиться.

Ладно. Можно зажмуриться, чтобы не видеть, как это будет.

Проводочки невесомо скользнули по ладони и неслышно, как змеи, стекли в мыльную воду.

Дом как будто вздрогнул, и даже странно было, что ничего не произошло. Даже свет не погас. Пот потек по лицу, и его приходилось слизывать языком, чтобы он не попадал на губы. Это было противно. К счастью, дверь в ванную, за которой помирала старуха, была уже далеко.

Интересно, это бывает быстро, как в кино, или нужно ждать?

Ладно. Ладно! Об этом нельзя думать.

В кармане были перчатки, которые плохо налезали на потные от страха руки. Нужно осторожно отцепить провода от уличного выхода проводки. Старуха уже давно должна проходить собеседование с архангелом Гавриилом.

Виниловые змейки, утратившие свою силу, показались теперь незначительными и скучными. Они легко наматывались на кулак, только оголенные хвостики были мокрыми. При виде этих мокрых хвостов опять накатила тошнота.

Теперь остается только закончить все, как надо.

В доме было тихо. Свет в коридоре горел, только старуха больше не пела. Пакет с феном лежал на столике, рядом с керамической вазой, которую они, дети, однажды разбили и за которую тогда им очень попало. Вазу кое-как склеили и водрузили на столик. Чтобы поставить в нее цветы, приходилось засовывать внутрь литровую стеклянную банку.

Дверь опять не скрипнула.

Да. В кино все показывают правильно. Старуха была мертва. Платка на волосах уже не было, седые космы плавали в воде, как невиданные отвратительные водоросли цвета перца с солью.

Платок нужно взять с собой. Это совсем лишняя деталь декорации. В кармане от него моментально стало мокро. Фен, вынутый из пакета, тихонько плюхнулся в воду, задев болтающуюся безвольную руку. От шевеления этой руки горло залила кислая рвота. Только этого еще не хватало!

Быстрее вырваться отсюда на волю, на воздух! Проклятая бабка!..

Да, еще пробки.

Белая пуговка с легким щелчком выстрелила в ладонь, и дом рухнул в темноту, как в пропасть.

Ну вот, теперь все в порядке.

Машина стоит совсем с другой стороны. На соседних участках никого нет, но осторожность прежде всего. За кустом смородины знакомая с детства дырка в заборе – через нее вошли, через нее и выйдем.

Все просто, даже проще, чем казалось сначала.

Ну что, бабуля? Как там тебя встретил архангел Гавриил? Куда направил? В рай?

Не может быть, чтобы в рай. В аду тебе самое место. Туда ты и отправилась.

Первый пункт коротенького списка можно считать выполненным. Осталось всего два.

Оказывается, убить – это так просто.

Он не хотел подслушивать, но сидел так, что слышал каждое слово.

– ...я больше не хочу, правда! Я специально позвонила, я только что с работы, устала как собака, а ты опять поддаешь, да еще с какими-то бабами!

– Ну с какими бабами, ты что? Да я даже не знаю, как ее зовут, честное слово! Это Витек с ней пришел...

– Какой еще Витек, никакого Витька нет, ты бы хоть врал как-нибудь поумнее! Я разве не вижу?! Сколько ты уже высосал своего пива?! Бочку?!

– Насть, ну правда, ну послушай меня, я понятия не имею, что это за баба...

– Однако она у тебя на коленях сидела, когда я подошла!

– Ну что ты выдумываешь-то, Насть!

– Слушай, хватит, а? Все, я уезжаю домой и не хочу больше ничего слушать! Я тебя специально просила, а ты!..

– Ну давай я с тобой поеду, что ты, ей-богу! Вечно ты начинаешь...

– Это не я начинаю, это ты начинаешь, хотя я миллион раз...

– Ну давай, давай я поеду, только мне надо выкупаться.

– Хорошо, купайся, я подожду.

– Пойдем к ним, неприлично же. Что ты меня, как маленького, отчитываешь! Давай садись, а я искупаюсь. Где ты припарковалась?

– Нигде. У моста.

Зажигая сигарету, Кирилл искоса глянул на ссорящуюся парочку, и все стало ясно.

Она была обыкновенная – короткое полотняное платье, туфли без каблука, гладкие волосы, очки и необъятный портфель, который она судорожно прижимала к боку. Он – высоченный, широкоплечий, рельефный атлет с лицом, красным от смеси пива, унижения и желания оправдаться.

Он хватал ее за руки и за ремень портфеля, а она отпрыгивала от него, увязая в песке офисными туфлями, и отцепляла от себя его руки.

«Ребята», в непосредственной близости от которых разыгрывалась милая семейная сцена, деликатно смотрели в другую сторону, а лежащая на полотенце девица, такая же рельефная и фигуристая, наоборот, смотрела пристально и усмехалась со злорадным превосходством.

Ну все, парень, решил Кирилл. Ты пропал. Что ж ты жопу с титьками на колени посадил, когда должны были приехать портфель с очками? Или от пива развезло совсем?

Девушке в очках он сочувствовал не слишком.

Ему все стало понятно с первого взгляда, и он не верил, что кому-то что-то может быть непонятно.

Ты просила его провести вечер вместе, а он ушел от тебя на пляж с «ребятами», грудастой макакой и ящиком пива. Каждому свое. Вместо того чтобы выкрикивать какие-то бессмысленные угрозы, и вырывать руку, и разъяренно сверкать на макаку очками, а потом все же тащиться за своим Аполлоном к «ребятам», и делать вид, что ничего не произошло, и бодро закуривать

предложенную сигарету, и старательно не смотреть на совершенное загорелое тело в двух веревочках – где-то в районе бюста и где-то в районе бедер, – и игнорировать победительную улыбку, и покорно выжидать, когда Аполлон все же соизволит пойти с тобой – а может ведь и не соизволить! – вот вместо всего этого взяла бы ты свой портфельчик, села бы в свою машину, припаркованную у моста, да и поехала домой, телевизор смотреть и на диване валяться.

Кирилл Костромин не признавал запутанных отношений и не верил, что раны можно лечить путем постоянного ковыряния в них.

Впрочем, это совсем не его дело.

Ему нечем было заняться этим вечером в Питере, и он даже жалел, что принял от партнера приглашение на шашлыки. Завтра до обеда он проваляется в отеле, если только ему не взбредет в голову какая-нибудь пионерская фантазия, вроде, например, посещения колоннады на Исаакиевском соборе или прогулки по Летнему саду. К трем его ждут на даче, полдня и полночи придется попеременно пить, есть и париться в только что возведенной партнером баньке, которой хозяин гордился ничуть не меньше, чем Монферран своим бессмертным творением.

К полудню субботы Кирилл Костромин проснется с чугунной башкой и отвратительным настроением, которое всегда наступает у него назавтра после попойки, и – в Москву, в Москву!

Хорошо еще, если проснется в своем отеле, а не на чужом диване в обществе чего-то вроде той макаки с веревочками в районе бюста.

Тугой теплый ветер бросил в щеку песок. Кирилл открыл глаза. Мимо, сверкая розовыми поросячьими пятками и вздымая чистый песок, прошлепал щекастый бутуз в панаме и с ведром на буксире. Кириллу стало смешно. Он проводил бутуза глазами и снова зажмурился, подставляя ветру лицо.

Нева плескалась у ног, норовила залезть в ботинки, но ему лень было подняться и переставить их подальше. Город шумел на том берегу, а казалось, что далеко-далеко. В небе сияло два солнца – привычное и гигантский золоченый купол Исаакия. Нева пахла водой и свежестью, а вовсе не бензином, как изнемогающие московские сточные канавы, гордо именующиеся реками. От нагретого серого

камня Трубецкого бастиона несло ровным теплом, и Кирилл даже слегка недоумевал, почему никогда раньше ему не приходило в голову просто посидеть на пляже у Петропавловской крепости.

Он заехал сюда случайно – среди дня вдруг кончились дела, и он понял, что не знает, куда деться до вечера. Хотелось есть, но на Невском негде было поставить машину. Он долго ехал, потом куда-то повернул, попал на Большую Морскую с односторонним движением, выискивая место для парковки, не нашел, и в конце концов его вынесло на Дворцовый мост. За мостом была стоянка, но не было ресторана, – по крайней мере, в зоне видимости, – и он пошел к Петропавловской крепости, осеняющей огромное знойное небо золотыми крыльями летящего ангела.

Пивнушку под зеленым тентом с шаткими пластмассовыми столами и стульями он обошел стороной и развеселился, осознав собственную осторожную брезгливость.

Эк тебя угораздило, господин Кирилл Костромин!

Не подходит тебе пивнушка. Брезгуешь.

А столовку для дальнобойщиков в городе Мелитополе забыл? Как ты там борщ наворачивал и какие-то немыслимые котлеты, хорошо если из бумаги, а не из навоза, не помнишь? А как автостопом в Крым ехал и там с голодухи по темноте рылся в помойке за кафешкой с шикарным названием «Чайка», отыскивая съестное? Как грузчиком нанимался в овощной ларек и таскал из ящиков желтые, вонючие толстокожие огурцы, больше похожие на мелкие дыни? Как яблоки воровал из колхозного сада, тоже, конечно, не помнишь?

И лет-то с тех пор прошло всего ничего – вовсе не сорок и не пятьдесят, а только десять.

– ...поставь меня сейчас же, я сказала! Отстань! Отцепись! Прекрати сию минуту! Ну!..

Очевидно, поединок очкастого портфеля в полотняном платье с бронзовым Аполлоном разгорелся с новой силой. Кирилл нехотя открыл глаза и посмотрел в ту сторону.

Аполлон легко, как в кино, тащил ее в Неву, вместе с очками и портфелем, а она молотила по нему бледными кулачками и злилась, кажется, по-настоящему. Блондинка перевернулась на бочок, подперла щеку и наблюдала с интересом.

Все правильно. Никуда ехать с тобой он не собирается. Он совершенно уверен, что ты просто ломаешься, в тебе разыгралась женская дурь, сейчас он тебя развеселит, пощекочет, потреплет, нальет пива, и ты успокоишься, повеселеешь и станешь такой же, как они – «нормальной девчонкой».

Вот скука.

Кирилл дернул рукой, чтобы часы съехали на запястье. Он просидел на этом пляже два с половиной часа – надо же! Когда в последний раз он вот так – ни на что – тратил драгоценное время?

Все-таки нужно найти ресторан и поесть, наконец. Или ничего не выдумывать и вернуться в свой «Рэдиссон»? Там он еще ни разу не ужинал.

Он поднялся и стряхнул песок с безупречных светлых брюк. Солнце убралось за Петропавловскую крепость, и в небе сиял теперь только Исаакий, и набережная шумела машинами, и Дворцовый мост парил над Невой, и чайка, распластавшись над темной водой, высматривала добычу.

Кирилл любил Питер с тех самых пор, как в первый раз, лет в восемнадцать, приехал сюда автостопом и болтался в толпе нестриженных хиппи в кафе «Сайгон» на углу Владимирского проспекта. Там его подцепило золотоволосое растение женского пола, которое звали Луна. У Луны были длинные, почти белые волосы, зеленые русалочьи глаза, вечная сигаретка в розовых губах сердечком, родинка на правом плече и совершенно определенное представление о том, как именно следует переделать жизнь, чтобы она стала простой и прекрасной. От роду Луне было шестнадцать лет, и она ушла из дома в коммуну как раз для того, чтобы начать переделывать эту жизнь по-своему.

Тогда их представление о переустройстве мира заключалось в курении марихуаны, пении странных песен, вплетении в лунные волосы разноцветных шерстяных ниток, старательном – с высунутым от усердия языком – вырезании на джинсах удивительных фигур, полосочек, звездочек и кружочков,

нанизывании бус и в бурном шестнадцатилетнем сексе на тощих матрасах, наваленных прямо на полу жутких коммунальных квартир.

Потом за Луной явился папа в сопровождении милиции, и Кириллу Костромину тогда чуть было не пришел конец.

Как это он выбрался из всего этого?

Самое странное, что нынешний «Рэдиссон», в котором Кирилл останавливался, привычно не замечая его богатого благолепия, как раз заменил собой тот самый знаменитый «Сайгон», как нынешний Кирилл Костромин заменил того, кто резал джинсы, заплетал косы и потел на древней вате бугристых матрасов.

Он обулся на щекотной, ровно подстриженной траве и еще обошел крепость, влез по шаткой лестничке на Трубецкой бастион, откуда открывалась «Невская панорама», как это именовалось на плакате над кассой. «Невская панорама» предлагалась за десять рублей. Детям и пенсионерам – скидка.

Все-таки турецкоподданный Остап Бендер-Бей был большой молодец. Скольким ребятам он благородно указал путь отъема денежных средств в рамках Уголовного кодекса! Ему бы не в Одессе памятник, а у каждой «Невской панорамы» по памятнику поставить, это было бы справедливо.

Кирилл спустился по другой лестничке и побрел к своей машине в толпе громогласных немецких туристов, которых неизвестно зачем принесло на ночь глядя в Петропавловскую крепость.

Машина, оставленная на солнце, раскалилась, как забытый на плите чайник. До руля нельзя дотронуться, кресла исходили синтетическим жаром, и страшно было даже подумать, что придется опустить себя в огненную обивку – жерло вулкана.

Он запустил двигатель, включил кондиционер, оставив стекло открытым, а сам предусмотрительно остался снаружи – покурить.

И тут он снова ее увидел. Ту самую, что в очках, с портфелем и Аполлоном.

Она сидела в двух шагах от него, в старенькой «Хонде», которая хрюкала, плевалась и не заводилась. В машине она была одна, Аполлона поблизости не наблюдалось. Очевидно, эту партию он выиграл и остался допивать пиво на пляже с «ребятами» и макакой.

С каждым поворотом ключа «Хонда» хрюкала все слабее и слабее, а девица все крутила и крутила стартер, приближая безвременный конец своей машины.

Да и черт с ней. Не станет же он вмешиваться. Это совершенно не его дело. И девица ему не понравилась еще на пляже. Кирилл не любил, когда позволяют вытирать о себя ноги, а она позволяла, да еще публично.

Он посмотрел на свою сигарету. От курева есть захотелось еще больше.

– Девушка, – сказал он, рассматривая сигарету, – у вас аккумулятор сел. Когда в последний раз вы выключали фары?

Она мрачно взглянула на него, дернула головой и с ожесточением повернула ключ зажигания. «Хонда» прощально кашлянула и затихла. Было совершенно ясно, что навсегда.

– Ч-черт, – сморщившись, выговорила девица, – черт, черт, черт.

Кирилл докурил свою сигарету и бросил окурочек в урну.

– Я ее теперь ни за что не заведу, – сказала девица, обращаясь к рулю своей страдалицы-машины, – она «автомат». Конечно, фары. Я их вечно забываю. И сейчас забыла.

– Поздравляю вас.

– Спасибо, – неожиданно ответила она, выскочила и задрала капот. Некоторое время молча рассматривала мотор, а потом обратилась к Кириллу: – У вас есть «крокодилы»?

Кириллу не хотелось с ней возиться. Конечно, у него были «крокодилы», но проще было сказать, что нет.

Однако сказать он ничего не успел.

- Пожалуйста, - попросила девица, моментально став смирной, - если можно, пожалуйста. У меня сегодня день такой. Ужасный.

- Ну да, - согласился Кирилл и пошел к своей машине.

Конечно, он не может просто так взять и уехать. Раз уж вообще с ней заговорил. Придется быть благородным до конца.

Он погрузился в кондиционированную прохладу салона и с наслаждением подышал, выгоняя из легких жару и сухость. Льняная рубашка липла к спине, и он с неудовольствием подумал, что даже не знает, нет ли на ней мокрых разводов. Плохо выглядеть Кирилл Костромин не любил.

Он повернул ключ - мотор заурчал сыто и почти неслышно, - вырулил из-за «Хонды», встал во второй ряд и включил аварийную сигнализацию. Девица из-за задранного капота наблюдала за его перемещениями с настороженным интересом.

- Я думала, что вы уезжаете, - сказала она, когда он вылез.

- Я раздумал в самый последний момент, - сообщил он и открыл багажник. В багажнике был идеальный порядок, чистота и красота, как в номере «Рэдиссона».

- Ничего себе, - протянула девица за его плечом. Он с неудовольствием оглянулся и чуть не задел носом ее очки.

- Как это у вас получается? - спросила она и поправила очки. - Я имею в виду порядок.

- Само собой как-то, - буркнул Кирилл и достал из кожаного мешочка сверкающие «крокодилы», - вы умеете их цеплять?

Девушка посмотрела на «крокодилы» и перевела взгляд на него. Глаза у нее были зеленые и очень печальные, как у спаниеля, потерявшего хозяина.

Впрочем, так оно и было. Хозяин хоть и не потерялся, но остался на пляже, а спаниель понуро потрусил домой.

– Умеете?

– Конечно, – сказала она и улыбнулась, – сто раз цепляла. Я же говорю, что все время забываю фары выключать.

– Ну и напрасно. – Ему не хотелось с ней любезничать. – Давайте побыстрее, мне нужно ехать.

Она поняла все правильно и больше с ним не заговаривала.

Старушка-машина завелась со второго раза, и Кирилл отцепил «крокодилы».

– Спасибо, – сказала девушка, передавая ему вторую пару блестящих железок, – большое вам спасибо. Вы меня очень выручили. Мне не хотелось здесь... задерживаться.

Ну конечно. А вдруг твой Аполлон с Аполлоншей возжелали бы немедленно уединиться в «уютном гнездышке», а тут посреди дороги ты со своим аккумулятором! Что бы ты тогда стала самой себе врать, чтобы в следующий раз опять тащиться за ним и делать вид, что все нормально и ничего такого не происходит?

– Вы из Москвы, да? – спросила она, посмотрев на номера его машины.

– Да.

Кирилл захлопнул багажник и сел за руль.

– До свидания.

- Подождите, – вдруг быстро сказала девица, и он посмотрел с удивлением и недовольством, – не уезжайте. Я понимаю, что это, конечно, неприлично, но все-таки... Вы ведь не поедете в свою Москву прямо сейчас, правда?

- Не поеду. – Теперь он смотрел на нее во все глаза.

- Конечно, не поедете. Уже полдевятого. Выпейте со мной кофе. У меня, правда, очень плохой день. Просто ужасный. А впереди еще целый вечер, и мне совсем некуда пойти. И не с кем. Вы только не подумайте ничего такого...

- Все такое я уже подумал.

Она заправила за ухо волосы, которые и так были стиснуты заколкой туго-туго.

- Сегодня похоронили мою бабушку, – сказала она тихо. – Я ее очень люблю. Она необыкновенная. И умерла так... неожиданно. Только ради бога, пожалуйста, не думайте, что я душевнобольная или проститутка. Если вам совсем не хочется, я от вас отстану.

- Поедем на моей машине, – сказал Кирилл Костромин, отказываясь верить тому, что это говорит он. – Вашей я не доверяю. Вы знаете, где здесь можно поесть?

- В переулке за Кунсткамерой есть хороший ресторан. Туда ехать всего ничего. И спасибо вам большое.

- Ничего не спасибо, – сказал он с досадой, – просто я очень голоден.

- Я поеду на своей машине, – торопливо сказала она, боясь, что он передумает, – а вы за мной. Это очень близко. За мостом сразу направо и еще раз направо.

Кирилл кивнул и сдал назад, освобождая ей место для выезда.

Куда его несет? Свободное время всегда как будто проделывает дыры в его мозгах, и все здравые мысли улетучиваются через эти дыры. Она ведь ему даже не нравится, не говоря уж о том, что он совсем ничего о ней не знает, кроме того, что у нее имеется древняя машина, Аполлон и она все время оставляет включенными фары.

Ну и что, спросил тот самый Кирилл Костромин, который был когда-то хиппи. Ничего же не происходит. Ну, поужинаешь ты с ней. Самые большие потери, которые могут быть, – это то, что тебе придется заплатить за ее ужин. Ничего, переживешь, не обеднеешь. А так сидел бы весь вечер один, как сыч или древний дед, тарасился на веселых людей и курил одну сигарету за другой. Хорошо хоть в «Рэдиссоне» проститутки не липнут.

Под светофором он немного растерялся. Нужно было перестроиться в крайний правый ряд, а он, незнакомый с питерским движением, обнаружил это только в самый последний момент.

Старушка-«Хонда» ласточкой перелетела перекресток, а Кирилл застрял. «Хонда» скрылась из виду, и он вдруг расстроился от того, что потерял ее.

Придется тебе все-таки сидеть одному в углу, ох, придется, сказал ему тот самый Кирилл, что был когда-то хиппи. Впрочем, кажется, именно об этом ты мечтал пять минут назад и ничего не хотел так сильно, как чтобы тебя оставили в покое.

Он осторожно двинул машину, стараясь выскочить с перекрестка первым, и, как только зажглась зеленая стрелка, вылетел вперед. Старенькая «Хонда» поджидала его за поворотом набережной. Из-за светофора ему не было ее видно.

Личико у сидящей за рулем девицы было мрачным и отрешенным, как у колдуньи из американской сказки, и Костромин в первую секунду удивился – неужто так переживает из-за того, что он отстал от нее?

Ах, да, вспомнил он тут же. Бабушка умерла. И Аполлон загулял на пляже.

– Я уж решила, что вы передумали, – сказала девушка, когда он притормозил рядом. – Следующий поворот направо, и можно парковаться.

Ресторан был вполне фешенебельным – с плиточным полом, тонированными стеклами и кондиционером. Все как надо. Туристы в белых брюках и просторных рубашках сидели за столиками на мостовой, но девица решительно прошествовала внутрь. Кстати, он даже не знал, как ее зовут.

– Да, – сказал он в худенькую льняную спину, – меня зовут Кирилл Костромин. Можно Андреевич, а можно просто Кирилл. Только на «вы».

Попрошу не фамильярничать, вот что это означало. Мне с тобой не по пути.

– А я Настя. Анастасия Сотникова. – Она оглянулась, блеснув ему в лицо очками и заученной неискренней улыбкой. – У меня даже визитка есть. Сейчас, одну минуточку.

Он хотел сказать, что ему вовсе не нужна ее визитка, но она уже ожесточенно рылась в недрах своего портфеля, а из прохладной глубины зала к ним шел роскошный метрдотель, затмевавший своим сиянием всех известных Кириллу Костромину метрдотелей.

– Добрый вечер, – интимным тоном сказал он, подойдя. – Столик на двоих или будут еще гости?

– На двоих, – ответил Кирилл и не глядя взял протянутую ему визитку.

– Тогда проходите сюда, пожалуйста.

Неуловимым движением он отодвинул стул для Анастасии Сотниковой, зажег свечу в пузатом бокале, выложил неведомо откуда две роскошно переплетенные карты, и все это почти одновременно.

– Аперитив? – спросил он потом, слегка – впрочем, весьма умеренно – наклоняясь над Кириллом.

– Минеральную воду, – сказал Кирилл брюзгливо, – холодную газированную. А вы, госпожа Сотникова?

– То же самое, – ответила она с улыбкой, явно пытаясь смягчить его грубость, хотя у этого метрдотеля на лбу было написано, что ему наплевать на всю человеческую грубость вообще и на Кириллову в частности. – Только с лимоном, пожалуйста. А есть я буду салат «Цезарь» и розовую форель. Попробуйте, Кирилл Андреевич. Здесь очень вкусно готовят рыбу.

– Хорошо, – в карту Кирилл даже не посмотрел, – пусть будет форель и «Цезарь». Только не через три часа, а побыстрее, если можно.

– Конечно, конечно, – как из шланга поливая их избытком любезности, уверил метрдотель, – напитки?

– Мы уже заказали, – произнес Кирилл с нажимом, – минеральную воду. Вы забыли?

– Нет-нет, – метрдотель поисточал еще немного любезности и отошел, как будто растворился в воздухе или его засосал кондиционер.

– Вам не нравится этот ресторан? – помолчав, спросила Анастасия Сотникова.

– Ресторан как ресторан, – ответил Кирилл, – а что?

Она пожала плечами:

– Просто вы как-то странно разговариваете.

– Почему странно?

– Как будто вам все очень не нравится.

Не предложив ей, он прикурил свой «Парламент» и ничего не ответил. Он всегда разговаривал с прислугой таким тоном – в ресторанах, отелях, спортклубах и самолетах. Он старательно воспитывал себя так, чтобы не замечать в них людей, и искренне считал это хорошим тоном.

– Я, наверное, нарушила все ваши планы? – заискивающе спросила девица. – Вы на меня злитесь?

– Уважаемая Анастасия Сотникова, – сказал Кирилл надменно, – не надо ничего выдумывать. Если бы у меня были планы, я бы никуда с вами не поехал.

– А я думала, что вы меня пожалели, – пробормотала она, и щеки у нее покраснели. – У вас было очень выразительное лицо. Там, на пляже.

Он был совершенно уверен, что на пляже она ничего вокруг не видела, кроме своего Аполлона и грудастой блондинки.

– Каждый выбирает по себе... – Глядя на дым от своей сигареты, он любезно перечислил: – Женщину, религию, дорогу.

– Дьяволу служить или пророку, знаю, знаю!.. Только при чем здесь это? Вы не можете с одного взгляда установить, правильно я выбрала или неправильно! – перебила она нетерпеливо, и он искренне изумился, впервые за этот вечер. А может, даже за неделю. Или за год.

Мало кто помнил или знал эти стихи. Почти никто. «Поколение Пепси» никаких таких стихов знать не могло.

– Ну вот, – сказал он удивленно, – вы, оказывается, даже книжки читаете.

– То есть вас удивляет, что я не дура, – констатировала Анастасия Сотникова.

Кирилл хотел сказать, что ему нет никакого дела до ее умственных способностей, и вместо этого ответил:

– Ну, на пляже вы выглядели полной идиоткой.

– Я знаю, – печально согласилась она, чего он никак не ожидал. – Но я же вам сказала, что у меня сегодня очень плохой день. Бабушку хоронили. У меня была потрясающая бабушка, и сегодня ее похоронили, а я даже на поминки не пошла, потому что у меня совсем нет сил сидеть там среди чужих людей, выслушивать всю эту поминальную ахинею, и...

Кирилл перепугался, что она сейчас заплачет и ему придется ее утешать. Еще не хватало – ужинать в ресторане с незнакомой девицей, убитой горем, и выслушивать ее откровения о своей горькой судьбе! Однако она быстро справилась с собой. Выудила из гигантского портфеля пачку сигарет и торопливо закурила. Ему понравилось, что она не вытащила сигарету из его

пачки.

– Мне очень нужно было, чтобы кто-нибудь сегодня со мной побыл, и вот что из этого получилось. Вы же видели...

– Видел, – согласился Кирилл, – только можно я не буду вам сочувствовать?

– Можно, – сказала она и, приподняв очки, быстро вытерла под ними, – какие-то сигареты дурацкие. Очень едкий дым.

– Поддельные, наверное.

– Наверное.

Возле их столика материализовался черно-белый официант, бесшумно поставил на скатерть запотевшие пузатенькие бутылочки с водой, переливающиеся чистотой стаканы и плоскую тарелочку с лимоном. Бутылочка интеллигентно выдохнула газ, вода с приятным шелестом полилась в стеклянное нутро стакана.

Кирилл Костромин в очередной раз почувствовал прилив истовой любви к своим деньгам, которые позволяли ему в любое время получать все это – приветливых слуг, дорогую еду, прохладу среди знойного города, французскую бутылочку с искрящейся водой.

Слишком долго и, казалось, безнадежно у него ничего этого не было.

– Расскажите мне про вашу бабушку, – попросил он благодушно. – Она вас растила?

– Нет. Для этого она была слишком независимой. Она никого из нас не растила.

– Из кого – из вас?

– Из внуков. Внуков трое. Двое племянников. У меня уйма родственников.

– У меня тоже, – сказал Кирилл и тут же пожалел об этом.

Он не хотел говорить о своих родственниках. Ему всегда было стыдно о них говорить. Зачем он вообще про них вспомнил?!

- А бабушка у вас есть?

- Нет, - ответил он неприязненно, - она давно умерла. Я ее почти не помню.

Конечно, он ее помнил.

Артритные руки, разбухшие от воды и огорода, цветастая кофтенка, одна на все времена, бедные волосы, зачесанные коричневым гребешком, запах хлорки и козьего навоза, толстые икры в нитяных коричневых чулках. Бабушка.

- Бабушка всех нас очень любила, - продолжала Анастасия, глядя в свою тарелку, - но всю жизнь не слишком возилась с детьми. Дед занимал всякие большие должности, у них всегда была домработница и няня, и, даже когда деда посадили, она как-то так умудрялась устраиваться, бытовые проблемы ее никогда не касались. Дети были сами по себе, а она сама по себе. Мой папа и тетя Нина, его сестра. Хотя блокаду она пережила. Не знаю, как ей это удалось...

- От чего она умерла? Сердце?

Его бабушка умерла от инсульта.

Было очень жаркое лето. Солнце вставало, как будто в желтой дымке - под Москвой горели леса. Крохотный прудик за деревней пересох, дно растрескалось, как будто пыталось вывернуться наизнанку, спасаясь от безжалостного непривычного солнца. Бабушка целыми днями была в огороде - все горело, нужно было поливать. Так и умерла, уткнувшись носом в огуречную грядку, в лопушистые шершавые листья, которые она спасала.

«Отмучилась», - равнодушно сказала соседка Клавдия Степановна.

- Нет, - произнесла Анастасия Сотникова таким странным тоном, что Кирилл посмотрел на нее с удивлением, - не сердце. Несчастный случай.

Почему-то он решил, что несчастный случай может быть только на дороге.

- Она водила машину?!

- Водила. Всегда. Она жила в Петергофе, там деду когда-то дали дачу, и она туда переехала после того, как он умер. Она даже на прошлой неделе приезжала ко мне на машине. Только она умерла вовсе не из-за машины.

Кирилл даже представить себе не мог бабушку, которая водит машину. Что же это за бабушка такая?!

- Она принимала ванну и уронила в воду фен. Короткое замыкание, и... все. Несчастный случай.

Бабушка принимала ванну? Уронила фен?!

- Сколько ей лет, вашей бабушке? Двадцать восемь?

- Нет, - наконец-то она улыбнулась по-настоящему, открыв ровные белые зубы, - семьдесят три. А почему вы так удивились?

Он удивился, так как в его представление о жизни никак не укладывалось, что бабушка может водить машину и укладывать волосы феном. Бабушка должна солить огурцы, полоть малину, варить картошку и на ночь расчесывать жидкие седые косы пластмассовой гребенкой.

Фен тут совсем ни при чем.

- Я до сих пор не могу осознать, что ее нет, понимаете? Мне кажется, что это невозможно. Почему ее нет? Я же на прошлой неделе с ней встречалась, мы пили кофе на Невском, в «Идеальной чашке», болтали три часа. Я ей рассказывала про Киру, и у нее было такое же лицо, как у вас на пляже. Я вас потому и заметила, что вы смотрели в точности как моя бабушка. - Она опять улыбнулась. - Кира - это тот мой приятель. Вы его видели. Его зовут как вас - Кирилл. Только почему-то все называют его Кирой.

Кирилл Костромин с неуместной поспешностью схватился за сигареты.

Господи, это еще откуда?! Это мерзкое, глупое, женское имя «Кира», которым его потчевали все детство и всю юность?! Он слышать его не мог. Он его ненавидел. И даже был уверен, что все его беды от этого дикого имени.

«Сегодня Кира дежурный по кухне!» – бодрым голосом объявляла утром мать.

«Кира, почему по математике опять тройка?» – строго спрашивал отец.

«А Кирка в лагерь не хочет! – наперебой кричали братья прямо ему в лицо и валились от хохота на продавленный диван. – Кира – дура, Кира – дура!»

И эта «дура», гораздо более оскорбительная, чем «дурак», всю жизнь помнилась ему так, что от ненависти и безысходности сводило затылок.

– ...попробуйте, Кирилл Андреевич. Это вкусно.

Оказывается, принесли еду. Салат лежал на сказочной красоты тарелке хрусткой аппетитной горкой, и ничего этого не было – ни продавленного дивана, ни братьев, ни Киры-дуры.

Вокруг был Питер, лето, чистые скатерти, столовое серебро – другая жизнь. Сытая, привычная, удобно устроенная. Его собственная.

– Бросьте вы его к черту, – сказал он хрипло, – это же кретину ясно – ничего у вас с ним не выйдет. Ну зачем вы приехали на этот пляж? Компанию повеселить? Продемонстрировать собственную дурость? Всем наглядно показать, что «она любила его, а он любил родину»? Кира! Надо же такое придумать!

Вилка звякнула о фарфор.

– Я, кажется, не просила у вас совета, – произнесла Анастасия Сотникова отчетливо, – большое спасибо, что вы приняли мое приглашение, но это совершенно не означает, что вы можете говорить мне гадости.

– Да никакие это не гадости, – досадуя на себя, заявил Кирилл, – все гадости вам уже сказали на пляже. Вернее, показали. А вообще говоря, вы правы. Это не мое дело. Прошу прощения. Наверное, это у меня от безделья. Я сегодня полдня не

работал.

Она моментально уцепилась за спасательный круг и увела разговор – выбралась на безопасное мелководье, за что Кирилл был ей благодарен.

– Кстати, что у вас за работа, Кирилл Андреевич? Вы ведь здесь в командировке?

– Работа как работа, ничего романтического.

– И все-таки?

– И все-таки совсем ничего романтического. У меня фирма. Называется «Строймастер». Это разное оборудование для строительства.

– Мне кажется, я слышала, – сказала Анастасия задумчиво, – вы филиал в Питере не открываете?

– Уже открыли. – Он улыбнулся. – Вчера. Вы не слышали, вы в газете прочитали.

– Да. Точно. Это ведь большая фирма «Строймастер», – она как будто удивилась, – по-моему, даже в «Новостях» показывали. Огромный склад где-то по дороге в Гатчину. Это ваш?

– Наш.

– Вы производите или только продаете?

На этом месте Кирилл Костромин засмеялся. Искренне и с удовольствием.

Настя посмотрела внимательно – и вправду почти хохочет.

Такой надутый, важный, щекастенький – и хохочет?!

– Это вы о том, что производства стоят, а весь бизнес занимается спекуляцией, уважаемая госпожа Сотникова? Там продал, здесь купил, а отечественный производитель в... – он чуть было не сказал «в заднице», но вспомнил, что он

большой бизнесмен, на ужине с незнакомой дамой, и воздержался, – в сложном положении?

– Ну конечно, – ответила она, недоумевая, что его так развеселило, – в газетах только об этом и пишут.

– Мой вам совет, – сказал он, продолжая игру в «большого бизнесмена», – не читайте за завтраком большевистских газет. Вредно для душевного здоровья.

– Но ведь это правда!

– Да кто вам сказал?! Или вы на каком-нибудь отечественном производстве подвизаетесь?

– Нет, но...

– Вот именно, что нет. Нет никакого отечественного производства и не было никогда.

– Как не было? СССР – одна шестая часть суши, индустриальная держава, еще в тридцатые годы...

– Я ничего не знаю про тридцатые годы. Зато про восьмидесятые помню хорошо. А вы не помните? Мелкий частик в томате и треугольные пакеты с молоком по два в одни руки? Пальтишки из шинельного сукна? Фарцовщики у магазина «Березка»? Продуктовые заказы по ветеранским карточкам ваша блокадная бабушка не получала? Раз в полгода – на Девятое мая и на Седьмое ноября?

– При чем здесь это?

– При том, уважаемая госпожа Сотникова, что даже одной шестой части суши ни за каким хреном не нужны оборонные заводы по три в каждом городе. А других у нас отродясь не бывало. Правда, у вас в Питере имелся завод резиновых изделий «Треугольник». Но он и сейчас в большом почете, работает себе. Так что я никаких стенаний про российского производителя не понимаю. Я не знаю никаких российских производителей. «Красный Октябрь», что ли? Так он процветает. И остальные все, кто не танки делал или пулеметы, работают

потихоньку и зарабатывают даже.

- У вас странная точка зрения.

- У меня нормальная точка зрения. Пройдет время, появится все, что нужно - ткацкие фабрики, пекарни, свечные заводики какие-нибудь. Их и сейчас уже полно. Может, и до автомобилей дойдет.

- А у вас где производство?

- В Пензенской области, - сказал Кирилл, вдруг осознав, что совершенно неожиданно и не к месту распалился, - мы делаем щетки и кисти. Я же вам говорил, ничего романтического.

- Вы как будто оправдываетесь. - Настя посмотрела испытующе. Он собрался было возразить, но не стал.

Что это его так понесло? В высокие рассуждения о производстве ударился, да еще от романтики старательно отказывался, как будто заранее ее предупреждал, что надежды на него в этом смысле нет никакой, хотя она вовсе не проявляла к нему интереса - смотрела в тарелку, ковыряла салат, печалилась о своей необыкновенной бабушке.

Этот ее Кира во всем виноват. С него все началось.

- Доедайте и поедем, - распорядился он, - одиннадцатый час.

- Да, - как будто спохватилась она, - неужели так поздно?

Доедать она не стала, и Кирилл, привычно расстроившись из-за брошенной еды, которую придется теперь выкинуть в помойку, попросил счет. У него с детства было очень трепетное отношение к еде.

Когда она стала совать ему деньги, он опять развеселился.

- Я вполне платежеспособен, - сказал он, глядя на нее с насмешливым превосходством. - Кажется, мы уже установили, что с моим отечественным

производством как раз все в порядке. Или вы член американской лиги за равноправие женщин?

– Я не член лиги, – пробормотала она. Ему вполне удалось ее смутить. – Просто это я вас пригласила. Навязалась, можно сказать.

– Можно и так сказать, – согласился он, получая удовольствие от ее смущения и своего превосходства, – только заплачу все же я.

Он был хорош – самоуверен, снисходителен, любезен и загадочен. Самому себе он нравился. Он как бы со стороны заслуженно гордился собой – вот каким ты стал, Кирилл Костромин, вот как ты всему научился. Какая там «Кира-дура»!

Только немного странно было, с чего это он так старается – девица была совсем не в его вкусе.

Он шел за ней к машине, рассматривая ее полотняную прямую спину и стянутые в короткий хвост неопределенно-темного цвета волосы, и думал, что, пожалуй, провел вечер совсем неплохо.

Напрасно он так думал.

Уехать им не удалось. Ее машина не заводилась. Не помогли ни всемогущие «крокодилы», ни длительное совместное рассматривание чахлого мотора старушки-«Хонды». Ковыряться в нем Кирилл не стал бы даже под угрозой расстрела.

Хватит. Наковырялся в дикие дальнобойщицкие времена.

– Придется вам ее здесь оставить. – Ему до смерти хотелось в свой отель – выпить коньяку в лобби-баре, еще покурить в прохладе и покое огромного холла, подняться в свой номер и лечь спать. – Завтра вызовете какой-нибудь эвакуатор.

– Конечно, – согласилась Настя, и он понял, что она непременно заплачет, как только он отвернется. Впрочем, это были не его проблемы. – Конечно, так я и сделаю.

«Это не мои проблемы», – так говорил один его давний начальник. У него Кирилл Костромин учился жить и работать – бороться и перегрызать чужие глотки. «Это не мои проблемы», – сказал он однажды Кириллу, когда тот не уследил за кем-то из водителей, и через две минуты Кирилл Костромин стал безработным.

– Ну, давайте я вас отвезу, – внезапно предложил он, сердясь на себя, – если уж в этом городе не существует такси!

– Нет-нет, – сказала Анастасия Сотникова и все-таки шмыгнула носом. Глаза за стеклами очков у нее как будто увеличились и задрожали. – Спасибо вам большое, только возить меня никуда не надо! Я еду в Петергоф, в бабушкин дом. Это далеко, за городом, и вам совсем не по дороге. Я... доберусь как-нибудь. Спасибо вам большое, Кирилл Андреевич.

– В какой еще Петергоф! – сказал он злобно. – У вас же с машиной проблемы. Езжайте домой, не выдумывайте.

– Домой я не поеду, – ответила она твердо и зачем-то полезла в свой портфель. Она то и дело ныряла в него с головой, как в омут. – Спасибо за ужин, Кирилл Андреевич.

И выудила из портфеля носовой платок.

Рыдать собралась, понял Кирилл.

– Давайте я довезу вас до дому, – сказал он, нажимая на слово «дом», – конец света еще впереди. Это не конец света.

– Конец, – пробормотала она голосом придушенной мыши. Очевидно, ей стоило больших усилий держать себя в руках. – Домой я не могу ехать. Там... Кира. Я не могу его видеть.

– Черт бы вас побрал.

Он сунул руки в карманы – хотя много лет отучал себя от этой привычки – и еще постоял немного возле ее машины, погрузившейся в летаргический сон, и своей, вполне благополучной. Деваться ему было некуда.

– Хорошо, – сказал он, покорившись, – я довезу вас до этого вашего Петергофа. Только без разговоров. Садитесь и поедem. Быстро.

– Не надо, что вы, Кирилл Андреевич!..

– Ну да. Вы должны были это сказать, а я должен был ответить, что одну на улице я вас не брошу. Считайте, что я так и ответил. Поехали, госпожа Сотникова.

– Настя, – сказала она, шмыгая носом.

– Настя, – согласился он.

В Петергофе он никогда не был и представления не имел, далеко ли до него.

По вечернему городу ехалось легко. Девушка – нет, Настя – молчала, только изредка говорила, где повернуть. Сидела она сгорбившись, стиснув коленями ладони с носовым платком.

– Не убивайтесь вы так, – сказал он, не выдержав, – ничего страшного. У вас что, машина в первый раз ломается?

– У меня в первый раз бабушка умерла. Мне... трудно это пережить. Да еще навалилось все сразу...

Весь жизненный опыт Кирилла Костромина свидетельствовал о том, что все плохое всегда наваливается сразу.

– Переживете, – сказал он неприязненно, – нужно уметь держать удар.

– Ну да, – согласилась она безразлично, – конечно.

Конечно, подумал Кирилл, внезапно снова раздражаясь, как же! Какой еще удар, если она выросла в семье, где блокадная бабушка до последнего своего дня водила машину и «не слишком любила возиться с детьми»? Она, эта Настя, наверное, и слова-то такого не знает – «удар». Потому и с павианом по имени Кира возится – старательно ищет проблем и приключений ввиду их полного

отсутствия.

Да и черт с ней.

– За заправкой направо, – сказала Настя, – потом все время прямо. Мы почти приехали.

Почему-то он думал, что Петергоф – это сплошь дворцы, аллеи, фонтаны и деревья, подстриженные под франтоватого пуделя, – и был странно удивлен, въехав в сонный зеленый городишко с двухрядной шоссейкой, узкими тротуарами и парковыми решетками по обе стороны дороги. Попалась какая-то церковь, неуместно большая и слишком русская для глаза, привыкшего к европейской четкости Питера. Что за церковь?

– Летом мы всегда здесь жили, – проговорила Настя, не отрываясь от окна, – нас было пятеро. Соня, Света, Сережка, Владик и я. Дом выходит прямо на Финский залив. Мы сидели в нем круглые сутки.

– Вы же говорили, что ваша бабушка не выносила детей!

– Ничего подобного я не говорила, – она посмотрела удивленно, – я говорила, что она за нами никогда не ухаживала. Все правильно. За нами ухаживала Зося Вацлавна, домработница. И няню специально на лето нанимали. А когда я совсем маленькая была, еще одна девчонка с нами жила, внучка бабушкиных старинных друзей. Ее дед вместе с нашим то ли воевал, то ли в тюрьме сидел, и бабушка ее привечала. А потом они куда-то переехали. Так что быт у нас был... вполне помещичий. Как Никита Михалков в своих фильмах показывает. Знаете?

Нет, он не знал. Он ненавидел большие семьи. Он ненавидел шум, грязь, бардак, мелкие склоки, крупные ссоры, продавленные диваны, вопящих детей, захватанные обои, обшарпанную мебель, пластилин на ковре, борьбу не на жизнь, а на смерть за кусок хлеба, посыпанный сахаром, за каждую секунду невозможного, отчаянно желанного уединения. Он ненавидел жизнь в коллективе и не понимал, почему он обязан в нем жить. Он ненавидел слово «взаимовыручка» – главное и любимое слово его отца – и не понимал, почему он должен выручать сестер и братьев, для которых лучшим развлечением было устройство разнообразных пакостей друг другу и ему самому. Он ненавидел чужую заношенную одежду, растоптанную обувь, он ненавидел сочувственные

взгляды в районном универсаме, которыми его провожали все продавщицы, особенно когда он повзрослел и неожиданно стал симпатичным. Он ненавидел покупки – семь батончиков, три черных, два килограмма овсянки, и так каждый день.

И все это было совсем не похоже на помещичий быт из фильмов Никиты Михалкова.

Его почему-то очень задело, что она из многодетной семьи, как будто она призналась в чем-то постыдном и неприличном.

– И сколько же вас у родителей?

– Кого – нас?

– Детей.

– Нас у родителей несколько. У моих родителей я одна. У тети Нины, папиной сестры, Сережка и Светка. У тети Александры – Соня и Владик. Тетя Александра бабушкина сестра. Только она намного ее моложе. Почти на пятнадцать лет. Я же вам говорила. Двоюродные братья и сестры. Племянники и племянницы. Вы, наверное, не слушали.

– Наверное, – согласился он, чувствуя облегчение.

Ему как будто снова не стало дела до ее семьи. Можно было успокоиться. Интересно, с чего он вообще разволновался?

– Сейчас еще раз направо, и мы приехали. Спасибо, Кирилл Андреевич. Я бы без вашей помощи сегодня совсем пропала.

Дом был огромный. Он не ожидал увидеть такой огромный дом, и вправду как в кино – с запущенным садом, с кованой железной решеткой вместо забора, с островерхой крышей, проглядывающей сквозь плотную резную зелень деревьев. И Финский залив открылся неожиданно, прямо под боком, за низкой порослью жестких кустов. Солнце валилось в него, зажигало темную воду, не давало смотреть.

– Господи, неужели ее больше нет? – пробормотала Настя и взялась за щеки. И с ужасом посмотрела на дом. – Как это, я приехала, а ее нет? Так не бывает. А, Кирилл Андреевич?

– Там кто-нибудь есть?

– В доме? Нет. Бабушка почему-то уволила Зою Вацлавну. Месяца три назад. Скандал был ужасный, так мы и не узнали, почему она ее уволила. Бабушка гордая была, ни за что бы не сказала. Зоя Вацлавна с ней жила, а новая, Муся, живет отдельно, я даже точно не знаю, в городе или в Петергофе.

– Город – это, надо понимать, Питер?

– Ну конечно.

– Давайте я вас провожу, – предложил он решительно.

Все равно уйму времени на нее потратил, три минуты ничего бы не изменили, а дом на самом деле выглядел холодным и мрачным, как будто скорбел о хозяйке и не желал никаких перемен.

– Спасибо, – ответила она с облегчением, – большое спасибо. Мне так неудобно, что вы со мной возитесь.

Он не стал говорить положенное по этикету «ничего-ничего». Все правильно. Он возится с ней, и она должна быть ему благодарна.

По засыпанной гравием дорожке они пошли к высокому серому крыльцу, темневшему сквозь разросшуюся сирень. Гравий приятно хрустел под ногами, в сирени копошились какие-то поздние птицы, и все это очень напоминало кладбище.

Она подошла к крыльцу и остановилась.

– Только не говорите мне, что ключи от дома вы забыли в своей квартире, – попросил Кирилл. Голос его отчетливо и странно прозвучал в погребальной тишине сада. Что-то быстро прошелестело в кустах, как будто кто-то пробежал и

замер, высматривая.

– Не забыла, – ответила Настя шепотом и, сделав над собой усилие, поднялась на крыльцо. Дверь открылась без всякого зловещего скрипа, просто открылась, и все. Внутри было темно. Не заходя, Настя пошарила рукой по стене, что-то сухо щелкнуло, но свет почему-то не зажегся.

– Света нет, – сказала она и оглянулась на Кирилла. – Почему-то нет света.

– Есть у вас свет, – ответил он уверенно, – фонарь же горит. Пустите.

Настя посторонилась, пропуская его в дом, и посмотрела на уличный фонарь над калиткой. Он и вправду горел, жидкий желтый свет был почти невидим в плавящемся вечернем солнце.

Как это он заметил?

– Где пробки?

– Что?

– Щиток с пробками где?

– А... в коридоре, справа, как войдете.

Он вошел в черноту дома и щелкнул зажигалкой. Длинный язык бензинового огня осветил бледный рисунок на обоях и черный бок старомодного счетчика. Над ним оказались четыре пробочных рыльца. Одна белая пуговка была длиннее других, и Кирилл нажал на нее.

В коридоре вспыхнул свет, где-то загудел холодильник, и Кирилл захлопнул зажигалку, гася ненужное, растворившееся в победительном электрическом свете пламя.

Наверное, не стоило спрашивать, но выбитые пробки навели его на мысль, от которой он не мог отделаться.

– Ваша бабушка здесь умерла?

– Да. Хотите кофе, Кирилл Андреевич? Я бы сварила. И лимон у нее есть. Мы всегда пьем... пили с лимоном.

Он посмотрел на часы. Так, чтобы она видела.

– Ладно, – согласился он, как будто после тяжелых раздумий, – варите. Что теперь делать.

Она сразу прошла на кухню, даже свой портфель в коридоре не оставила. Кухня была огромной, с гигантской старомодной плитой, с тяжелой мебелью – высокие стулья, темный буфет, круглый стол на выгнутых львиных ногах. Кирилл остался в коридоре. Эти пробки не давали ему покоя.

– Здесь можно курить?

– Конечно, – ответила она и что-то с грохотом уронила, – бабушка всегда курила и всем разрешала. Она говорила, что Ахматова всегда и всем разрешала курить в ее присутствии, а она ничем не хуже Ахматовой.

– Ну да, – пробормотал Кирилл неопределенно. – Мне бы еще руки помыть.

– Ванная дальше. По коридору и направо. На втором этаже тоже есть ванная.

– На второй этаж я, с вашего разрешения, не пойду.

Она не стала его провожать, и он вполне понимал ее. Именно в этой ванне умерла ее бабушка, уронив в воду злосчастный фен. Интересно, кто теперь будет жить в доме, похожем на склеп? Она сама? Или, может, ее родители или – кто там? – племянники и племянницы?

Кирилл прошел по коридору, заставленному книжными шкафами и круглыми столиками с сухими цветами – он никогда не видел таких коридоров, – и зажег свет. Эта комната – по-другому ее невозможно было назвать – тоже была огромной. Кирилла поразило окно, выходящее в сад, и еще то, что ванна стояла прямо посередине.

Ему никогда не приходило в голову, что можно принимать ванну, глядя в окно.

Помещичий быт, черт его побери.

Низкая табуреточка, длинный шкаф с узкими дверцами, три полотенца на крючке, масса дамских штучек – флаконов и банок. Эта самая бабушка, очевидно, и в старости очень любила себя. Чего-то не хватало, и Кирилл быстро понял, чего.

Он ополоснул руки и вытер их прямо о свои светлые брюки. До полотенца ему не хотелось дотрагиваться.

– Здесь все поменяли, – негромко сказала Настя, и он оглянулся. Она стояла в коридоре, в ванную не входила. – Мама с Мусей здесь все... убрали. Сразу же.

– Как же ваша бабушка без зеркала обходилась? – спросил Кирилл.

– Да она его разбила, – Настя махнула рукой, – вернее, не она, а Муся. На прошлой неделе. Сердилась ужасно, говорила, что примета плохая, что теперь что-нибудь непременно случится. И случилось...

– Чушь, – сказал Кирилл быстро, – не ерундите. Никаких таких примет нет.

– И, главное, зеркало такое здоровое было, – проговорила она и вдруг заплакала, бурно, сразу, слезы полились ручьем, – я его всегда... полотенцем завешивала, потому что оно мне... мешало, когда я в ванне сидела... Сидишь как дура и смотришь на свою красную рожу, а бабушка сказала – примета плохая...

Он не знал, как нужно утешать. Он не любил плачущих женщин и не понимал, что с ними делать.

– Зажгите свет, – велел он, – я ваши пробки посмотрю. А то выключится что-нибудь ночью, перепугаетесь.

– Где зажечь? – Она судорожно всхлипывала, утирала щеки узкой ладошкой.

– Везде, – сказал он и вышел из ванной.

По очереди нажимая на белые кнопки, он выключил и включил свет во всем доме.

Странное дело.

– У вас их часто выбивает? – Что?

– Пробки часто вылетают?

– Не знаю. Нет. Это же просто поселок, здесь нет никаких... энергоемких предприятий. Кофе готов, Кирилл Андреевич.

В молчании они попили кофе из темно-синих чашек. Его бабушка когда-то мечтала о таких. У соседки Клавдии Степановны были, а у нее нет. Теперь он мог купить ей завод, который делал такие чашки, только ей не нужен был завод.

Впервые в жизни Кирилл Костромин пожалел, что она умерла и он не может подарить ей темно-синюю чашку. Он никогда и ничего не дарил никому из родных.

– Я, пожалуй, поеду, – сказал он, поднимаясь. Больше ему ни секунды не хотелось оставаться в этом доме, с его тайнами и синими чашками. – Спасибо за кофе.

– Спасибо за участие, – сказала она и не поднялась, чтобы его проводить, – в город дорогу найдете?

– Как-нибудь, – пробормотал он.

Дверь тихо притворилась за его спиной, он сбежал с крыльца и остановился, прикуривая и выжидая, когда повернется ключ.

Ключ повернулся, и он зашагал по гравиевой дорожке к своей машине, дремавшей за кованой железной решеткой.

Усевшись, он первым делом включил приемник, который бодро запел про тополиный пух, жару, июль, заглушая все связные мысли.

Ему хотелось скорее уехать, и, не жалея машину, он дал по газам, перескочил через канаву и на большой скорости пролетел тихий переулочек. В зеркале заднего вида крутилась желтая пыль, и Финский залив блестел свинцовой потемневшей водой.

В темном доме пахло сухими цветами и бедой. Он голову мог дать на отсечение, что там пахло убийством.

С пробками что-то не то.

Когда бабушка-старушка уронила в воду фен, выбить должно было совсем другую линию или все пробки сразу. Если бы выбило все, их все бы и включили, когда нашли тело. Скорее всего выбило только ту пробку, которая «отвечает» за ванную. Ее включили, когда обнаружилось, что случилось несчастье, а на соседнюю никто даже не посмотрел, она так и осталась выбитой. Непонятно только, почему.

Или кто-то выключил ее случайно, когда выключал ту, другую, чтобы создать видимость короткого замыкания? Но если ту выключили, значит, дело вовсе не в том, что бабушка уронила в воду фен.

Или все это просто случайность, и пробки вылетают постоянно, только девушка Настя об этом ничего не знает?

Впрочем, решил Кирилл, это опять не его проблемы.

Это ее проблемы, и пусть она их решает как хочет. Как сможет.

Жара навалилась на Москву, как борец сумо на боксера веса пера. Бумаги липли к рукам, а рубахи к спинам, на станциях метро продавали хлипкие вьетнамские веера, подростки в закатанных штанах и без маек неподвижно сидели в фонтане на Пушкинской площади.

Спасти было невозможно.

Кирилл устал и хотел в отпуск.

Он с удовольствием думал о том, как прилетит в Дублин, где всегда семнадцать градусов и шумит холодный океан. Думал о крохотных прокуренных пабах и густом темном пиве в тяжелой кружке. Думал о предстоящем двухнедельном одиночестве, которое ценил больше всего на свете. Думал о прохладе маленького дорогущего отеля в самом центре города и ирландском виски в низком и широком бокале.

И совсем не думал о делах.

Дел было очень много. Перед самым отъездом в отпуск Кирилл собирался еще навестить в Питер, где дела шли не так хорошо, как хотелось бы. Впрочем, Кирилл знал, что дела никогда не идут так, как хотелось бы, и не разделял пессимизма своих замов, как раньше не разделял их оптимизма.

Он вылез из-за стола, заваленного бумагами, и некоторое время лавировал по кабинету, вылавливая прохладную кондиционированную струю. Попав в нее, он замер в неподвижности, как сомлевшая от жары собака в тени акации. Осторожно, стараясь не делать резких движений, он оттащил от липкой груди рубаху и снова замер, чувствуя, как холодный воздух льется за воротник.

Через полторы минуты кипяток в голове превратился во что-то похожее на человеческие мысли.

До отъезда надо бы поговорить с начальником отдела маркетинга по поводу предстоящей в сентябре строительной выставки в Германии. Компания «Строймастер» традиционно участвовала в этой выставке, и каждый год повторялось одно и то же – ровно за неделю выяснялось, что к ней ничего не готово: никто не знает, где стенды, которые в прошлом году были заботливо зачехлены и оставлены на складе, буклеты умерли в типографии, потому что запил наборщик, а имеющиеся безнадежно устарели, кроме того, их, конечно, не хватает, и неизвестно, хватит ли новых, даже если удастся привести наборщика в чувство, а весь отдел маркетинга вдрызг переругался на почве того, кто именно поедет в Дюссельдорф.

Ехать хотелось всем.

В этом году Кирилл, не полагаясь на начальника отдела, своей властью решил, кто едет, а кто не едет, распределил роли, раздал партии и велел докладывать ему каждую неделю. Первые две недели начальник бодро докладывал о делах, а потом все благополучно затихло, и Кирилл хотел знать, почему.

Стараясь двигаться внутри холодной струи, он подошел к двери и выглянул в приемную. Секретарши на месте не было, и стало ясно, что придется идти самому.

В отделе маркетинга царили спокойствие и благолепие. Кондиционеры работали на полную мощность, а сотрудники раскладывали пасьянсы. За это Кирилл Костромин своих сотрудников ненавидел.

Став хозяином и начальником, он перестал понимать, почему люди вместо того, чтобы зарабатывать на работе деньги, тратят время на бесчисленные перекуры, чаепития, пасьянсы и разговоры по телефону с такими же ничем не занятыми страдальцами, сидящими в чьих-то чужих офисах. Всем сотрудникам за хорошую работу он платил щедрые премии, а за плохую устраивал головомойки, но ничего не помогало. Вдали от начальничьего глаза сотрудники продолжали благодушно бездельничать, и Кирилла это бесило.

- Где Бойко? - спросил он сразу всех, переполошившихся как куры, любителей пасьянса.

После нескольких секунд всеобщего смятения ответила Леночка Брускина, которая считала, что начальник к ней равнодушен, и мечтала предпринять что-нибудь такое, от чего он стал бы активно равнодушен.

- А... Виктор Григорьевич уехал. Сразу после обеда. Может, нужно что-то сделать, Кирилл Андреевич?

Сделать нужно было сто тысяч разных дел, но Кирилл не удостоил Леночку ответом.

- Куда уехал?

Сотрудники переглянулись. Шеф был что-то на редкость мрачен. На горизонте собирались тучи, и осторожно, словно пробуя силы, погромыхивал гром.

– Домой, – преданно глядя на Кирилла голубыми до отвращения глазищами, доложила Леночка. – Он плохо себя чувствовал. Сказал, что поедет домой и вызовет врача.

Ну да, конечно. Врача.

Распалиться не было никакого смысла.

Чувствуя свинцовую тяжесть в затылке, от которой невозможно было повернуть голову, – верный признак надвигающегося бешенства, – Кирилл все же сказал:

– А что, ни у кого нет никаких дел?

Все молчали, смотрели на него зачарованно, как под гипнозом.

– Если дел нет, все свободны. Можно разъезжаться по домам.

И осторожно, строго контролируя себя, притворил дверь.

Секретарши на месте по-прежнему не было – должно быть, она тоже чувствовала себя неважно. Сверяясь по записной книжке, Кирилл набрал домашний номер начальника отдела маркетинга, где, ясное дело, никто не ответил, а потом еще один, мобильный.

С мобильным дело пошло веселее.

– Ну что? – спросил он, когда ответили. – Как ты себя чувствуешь, Виктор Григорьевич?

– Да что-то у меня с давлением не то, – слабым голосом ответил насторожившийся начальник отдела, «Алло» он произнес куда бодрее, – и сердце колет и... давит с левой стороны.

– Врач был? – осведомился Кирилл.

– Врач? – переспросил начальник отдела упавшим голосом.

– Клизму поставил? – продолжал Кирилл Андреевич. – От твоей болезни самое лучшее средство – клизма. Это я тебе точно говорю, хоть я и не врач.

– Да у меня в самом деле давление, Кирилл Андреевич!

– Это у меня давление, – отрезал Кирилл, – а у тебя, Виктор Григорьевич, сегодня в машине на заднем сиденье сумка с ракетками валялась. По утрам ты в теннис не играешь, значит, сейчас поехал. Ты что, забыл, что мы вместе на стоянку заезжали?

Специалист по маркетингу молчал, как школьник на педсовете.

Все знали, что шефу свойственны сверхъестественная внимательность и умение замечать все вокруг, но, как на грех, именно сегодня Бойко об этом забыл. И дернул его черт сказать про врача!..

– Ты приезжай, – попросил шеф душевно, от чего у Виктора Григорьевича в желудке сделалось какое-то неприятное движение, – партию отложи и приезжай. Про Дюссельдорф потолкуем.

Нагнав на Бойко страху, он положил влажную трубку и вытер мокрый лоб. В Питере тоже тридцать три, и, похоже, до Ирландии и холодного океана он не доживет.

Он собирался уехать в субботу с утра, чтобы не угодить в чудовищные пятничные пробки. В пятницу, традиционный «день освобождения Москвы», выехать из города было невозможно. Мертвые пробки начинались от Кремлевской набережной и кончались где-то километров за сто от столицы.

Нужно позвонить матери, чтобы они не стали его искать, пока он будет в отпуске.

Звонить не хотелось.

– Мам, – сказал он холодно, – это я. Как ваши дела?

И старательно пропустил ответ мимо ушей.

– Мам, я в отпуск уйду. На две недели. Я завтра уеду в Питер и оттуда улечу. Вернусь, позвоню.

– Опять за границу? – с тяжелым вздохом спросила мать.

– Да. Опять.

– И совершенно напрасно, – с ожесточением, продолжая давний бессмысленный спор, заговорила она, – что это за мода такая, на эту границу? Тебе что, дома плохо? Что там может быть хорошего? Сплошной разврат и разложение! Ты бы лучше...

– Мне тридцать два года, – перебил ее Кирилл и взял со стола крошечную трубку мобильного, мечтая, чтобы кто-нибудь ему позвонил, прямо сейчас, в эту секунду, – я сам знаю, что мне лучше.

– Кира, ты очень странный мальчик. Ты же рос в нормальной семье, что с тобой случилось? Разве мы с отцом тебя так воспитывали? Что это за границы бесконечные, дела какие-то странные! Чем тебе плохо дома? Нужно любить свою родину и...

– Мама, я люблю свою родину. Я живу на своей родине и не собираюсь никуда уезжать, хотя мог бы. По-моему, этого достаточно.

– Что значит – мог бы?! Ты что, думаешь об отъезде?! Кира, ты просто сошел с ума! Я отрекись от тебя. Мы все отречемся от тебя! Ты не наш сын, ты... ты... ты просто капиталист, без чести и без совести. Как ты можешь даже произносить такое?

– Ничего такого я не произносил, – сказал он с тоской, – все это ты произносишь, а не я. Мам, я не хочу больше слушать всякую чушь.

– Чушь? – чуть не завизжала мать. – Я говорю тебе о чести и совести, а ты смеешь говорить, что это чушь?! В кого ты превратился? Я учила своих детей быть трудолюбивыми, я учила вас чувству товарищества, взаимовыручки, ответственности за свои поступки, я учила вас отличать истинные ценности от всего наносного и пошлого...

– Мама, я вовсе не пионер-герой, – перебил Кирилл, – ты меня с кем-то путаешь.

– Ты погряз в мещанстве, – констатировала мать торжественно, – ты просто вырос слабым и не смог сопротивляться влиянию Запада. Ты всегда любил вещи больше, чем людей, и поплатился за это. Неужели ты на самом деле думаешь, Кира, что живешь правильно? Неужели ты можешь хоть чем-то оправдать себя? Неужели твои грязные деньги не жгут тебе руки?

– Пока, мам, – попрощался Кирилл, – я позвоню, когда прилечу из Дублина. Отцу привет передавай.

– Отец о тебе и слышать не желает, – сообщила мать с гордостью, – ты – наша ошибка, Кира.

– Роковая, – согласился Кирилл, положил трубку и подул на мокрые пальцы.

Он – ошибка. Его засосало мещанское болото. Странно, что она не сказала, что он должен очиститься, запеть «Марсельезу» и устроиться на завод, чтобы тяжким трудом смыть с себя позор бизнесменского прошлого.

Деньги – гадость. Достаток – зло. Мечтать о материальном – низко. Не имеет значения, во что ты одет, имеет значение только твое внутреннее содержание. Все, кто с этим не согласен, – недостойные ничтожества. Помыслы должны быть чисты и мысли возвышенны, только тогда ты имеешь право называться человеком.

Зачем тебе джинсы? Вовины брючки вполне ничего, ты в них еще год проходишь. Какое имеет значение, что все над тобой смеются? Они просто дураки и ничего не понимают, только и всего. Зачем тебе в парикмахерскую? Мама отлично тебя подстрижет, лучше всякой парикмахерской.

Конечно, лучше. В парикмахерской нужно было оставить целый рубль, а взять его, несмотря на все презрение к деньгам, было негде.

Яблоки раз в году, в августе, из собственного сада. Яблони были старые, яблочки мелкие и несладкие, с почерневшими бочками. Есть их было невкусно, но других не было. Шоколадкой его в первый раз угостили в школе, и он потом каждый день приставал к Наде Суриковой – может, даст еще. Колбаса только по праздникам, тоненький кусочек колбасы на толстом-претолстом куске хлеба. Всю весну и осень он ходил в школу в растоптанных ботах, таща в мешке «сменку», полотняные тапочки на резиновом ходу. Зеленые кримпленовые брюки, перешитые бабушкой из отцовских, натерли кожу между ног, а других у него не было. Цигейковая шапка была велика – почему-то она была ему велика всю жизнь – и съезжала на нос, мешая видеть. Примерно до третьего класса отец привозил его в школу на велосипеде. Сидеть было неудобно, попка затекала, ноги свешивались и болтались как макароны, в штанинах полоскался холодный ветер. Прохожие провожали их недоуменными взглядами – никто не ездил зимой на велосипеде, да еще с ребенком. Родители одноклассников его жалели, одноклассники – смеялись.

К семнадцати годам он укрепился в ненависти к образу жизни, который вела его семья, и подался в хиппи – протестовать. В восемнадцать понял, что от протестов такого рода нет никакого толка, и устроился на курсы водителей. Потом некоторое время работал сменщиком у шоферов большегрузных машин на дальних трассах.

Родители к его метаниям относились со снисходительным пониманием – они готовы были уважать свободу личности, занятой поисками своего «я», пока не выяснилось, что личность ищет не столько свое «я», сколько где бы побольше заработать.

С тех пор все и началось и продолжалось по сей день, когда выяснилось, что Кирилл – ошибка. Урод.

Ну и ладно. Урод так урод.

Он уедет в Питер, а потом в Дублин и думать о них забудет до самого возвращения. Ему и без них есть о чем подумать.

Тем не менее он думал о них.

Думал, когда разговаривал с проштрафившимся Бойко, думал, когда приехал домой, думал, когда выбирался из Москвы по узкому Ленинградскому шоссе.

Чем он им не угодил? Он хотел только одного, чтобы семья оставила его в покое, а она никак не оставляла. Если уставала мать, в дело вступали сестры и – реже – братья. Кстати, братья быстрее всех поняли, что воспитывать Кирилла – дело гиблое.

В вечернем Питере было свежо и солнечно и не по-московскому просторно. Питер вообще был просторней Москвы и как-то логичней, что ли. Кирилл всегда приезжал сюда с удовольствием, зная, что этот город действует на него, как аспирин на больную голову.

Так и сейчас. Пробираясь к «Рэдиссону» по Владимирскому проспекту, он и думать забыл о своей семье и о том, что он – урод.

Знакомый портье за блестящей конторкой улыбнулся знакомой улыбкой и неуловимым движением подозвал носильщика в форме, хотя у Кирилла был только один чемодан на колесах – он никогда не брал с собой в поездки много вещей.

– Я в понедельник должен улететь в Дублин, – сказал Кирилл, пока портье торопливо строчил в розовых бумажках, – а машину хотел бы оставить на вашей стоянке. Я вернусь через две недели и еще дня два у вас поживу. Это возможно?

– Конечно, Кирилл Андреевич, – не отрываясь от бумажек, заверил портье любезно, – записать, чтобы в понедельник вызвали такси? К которому часу?

– Я точно не помню. Утром. Я потом посмотрю в билете и скажу.

– Конечно. – Портье выхватил ключ, за спиной у Кирилла оказался носильщик с его чемоданом. Попавшийся навстречу господин австрийско-немецкой внешности улыбнулся широко и радостно. Кирилл вспомнил, что в прошлый приезд столкнулся с ним в бассейне. Кроме них, там никого не было в

полседьмого утра, и они чувствовали себя почти что родственниками.

Это был привычный, удобный, красивый и богатый мир, который Кирилл очень любил и за пребывание в котором готов был бороться не на жизнь, а на смерть. Даже с собственной семьей.

Давно уже он не думал о ней так много.

Он открыл золоченый кран и некоторое время с удовольствием смотрел, как вода веером летит в блестящую ванну, быстро и весело наполняя ее, а потом стал расстегивать рубашку. Нужно сунуть вещи в пакет, чтобы завтра ему все постирали и погладили, все-таки целый день он просидел в машине, мокрый и жаркий.

Он долго лежал в ванне, добавляя то холодной, то горячей воды, и вылез из нее абсолютно счастливым человеком. Не вытираясь и не одеваясь, он прошлепал к телефону и позвонил начальнику своего питерского филиала, который ждал звонка, отвечал быстро и толково и ничем Кирилла Костромина не расстроил. Договорившись, что завтра в десять Кирилл Андреевич ждет его в «Рэдиссоне» к завтраку, они попрощались.

Визитки, вытряхнутые из кармана пиджака, лежали на покрывале, как карты.

В казино, что ли, сходить?

Кирилл ничего не понимал в азартных играх и слишком любил свои деньги, чтобы неизвестно зачем рисковать ими, и про казино подумал просто так, потому что слово лучше всего соответствовало вечерней отельной праздности.

Он перебрал визитки, которых было много, собираясь выкинуть ненужные, и перед ним вдруг мелькнула Анастасия Сотникова, набранная бодрым черным шрифтом.

Кто такая Анастасия Сотникова?

Да. Конечно.

Покойная бабушка, островерхий дом, Финский залив, зажженный солнцем, Аполлон по имени Кира, чахоточная машина и неизвестно почему вылетевшие пробки.

Девушку он помнил хорошо, а вот имя позабыл. Она очень старалась не плакать и сварила ему кофе. В таком кофе черти в аду, наверное, топят грешников. У нее были независимые плечи, тугий хвост темных волос, белые зубы и очки. Да, и портфель. В отличие от большинства знакомых ему девиц, она выглядела... как бы это сказать... очень интеллигентно.

Он даже не знал, что у него есть ее визитная карточка. В карточке было написано, что она менеджер по связям с общественностью. Организация именовала себя «Научно-производственное объединение «Орбита».

Кирилл усмехнулся. Интересно, кто придумывает эти названия? Чем, судя по названию, может заниматься НПО «Орбита»? Только запуском межпланетных спутников или на худой конец проектированием космических кораблей. На самом деле они скорее всего выполняют заказы на полиграфию или что-то в этом роде.

Кирилл задумчиво почесал нос кусочком белого картона. Выбросить? Вряд ли ему когда-нибудь понадобится Анастасия Сотникова, менеджер по связям с общественностью.

Или не выбрасывать?..

Он посмотрел на карточку, потянулся к телефону и быстро набрал номер.

Зачем он звонит?! Что он станет говорить, если, не дай бог, дозвонится?!
Вечером в субботу в офисе никого не должно быть, поэтому он сейчас положит трубку и...

– Алло, добрый вечер, – приветливо сказали в трубке.

– Добрый вечер, – пробормотал Кирилл, не ожидавший ничего подобного, – с госпожой Сотниковой я могу поговорить?

– Конечно, как вас представить?

Представьте меня в ванне голым, хотелось сказать Кириллу, что было, в общем, недалеко от истины, но бодрый голос в трубке спрашивал о другом.

– Меня зовут Кирилл Костромин, – пробормотал он, злясь на себя все сильнее.

– Одну минуточку, пожалуйста.

Он решил, что положит трубку при первых же тактах гнусной мелодии, которая тотчас же потекла прямо в его ухо, но не успел.

– Да, – нетерпеливо сказал незнакомый женский голос.

– Меня зовут Кирилл Костромин, – выговорил он, глядя в потолок. Потолок был высокий и очень белый. – Вы меня помните?

– Конечно, – быстро ответил голос, и Кирилл чуть не упал с дивана. Это прозвучало, как будто она всю жизнь сидела у телефона, ожидая, когда он наконец позвонит. – Конечно, Кирилл Андреевич.

Нужно было говорить дальше, а он решительно не знал – о чем.

– Вот хорошо, что вы позвонили, – продолжал быстрый голос в трубке, – мне обязательно нужно с вами увидеться. Вы можете? Вы где? В Питере? Или в Москве?

– Со мной увидеться? – уточнил Кирилл осторожно. Ему показалось, что она принимает его за кого-то другого. За свою Киру, к примеру.

– С вами, Кирилл Андреевич. Вы можете со мной встретиться?

Он ничего не понимал.

– Могу, конечно. Я только что приехал. Если хотите, подъезжайте в «Рэдиссон». Знаете, где это?

– Знаю. На Невском. Как хорошо, что вы позвонили!.. Я приеду минут через двадцать. Мы не очень далеко, на Съезжинской.

– Я вас встречу внизу, – сказал Кирилл. Он не ожидал такого натиска. – У вас что-то случилось?

– Да, – сказала она, – я расскажу.

И положила трубку.

Она не вошла, а влетела в прохладный вестибюль и завертела головой, как сорока, отыскивая его.

Кирилл неторопливо сложил газету и поднялся из кресла. Газета была англоязычная и задумывалась неспроста.

– Госпожа Сотникова!

Она обернулась, придерживая локтем все тот же необъятный портфель, и улыбнулась с облегчением, увидев его.

– Здравствуйте, Кирилл Андреевич.

– Здравствуйте.

У нее было бледное напряженное лицо, лоб влажно блестел, и волосы, не стиснутые заколкой, оказались гладкими и блестящими. На его газету она не обратила никакого внимания. Ему стало смешно.

Когда в последний раз он таким способом хотел произвести впечатление на барышню?

– Господи, это просто счастье, что вы позвонили! Я... совсем не знаю, что мне делать.

– А что вы должны делать? – спросил он неторопливо. – Хотите кофе? Или, может быть, поужинаем? Раз уж у нас такая традиция?

– Какая традиция? – Она посмотрела ему в лицо. Беспокойство было больше ее глаз, не помещалось в них, выплескивалось наружу.

– Что мы внезапно приглашаем друг друга ужинать.

– Да, – сказала она, – можно и поужинать. Только здесь дорого, наверное.

– Ничего, – сдержанно ответил он, – я справлюсь. Не волнуйтесь.

Народу в ресторане почти не было, но она все равно ушла в самый темный угол.

– Мы играем в шпионов? – спросил он, усаживаясь и доставая сигареты. Она печально взглянула на него.

– Не знаю. Я ничего не понимаю, Кирилл Андреевич. И мне страшно.

Кирилл внезапно заподозрил неладное:

– Вы вновь поссорились с вашим фактурным возлюбленным? И он теперь вас преследует?

Она посмотрела, на этот раз удивленно.

– С кем? С Кирой? Нет, с ним все в порядке. Дело совсем не в нем.

– А в ком?

Неизвестно, чего он ожидал, но то, что с Кирой «все в порядке», ему не понравилось.

– В моей бабушке, – сказала она, понизив голос, – которая умерла. Помните, я вам рассказывала?

Он все отлично помнил.

– Я даже не знаю, как это сказать. Я мучаюсь уже две недели. Это какой-то кошмар. – Она наклонилась к своему портфелю, волосы упали на бледную щеку, и Кирилл как будто узнал это ее движение – сейчас она вытащит сигареты и будет долго копаться в поисках зажигалки. Она положила сигареты на стол и стала рыться в портфеле.

– Возьмите мою, – предложил он.

– Спасибо. Да где же она? Я же ее сунула! А, вот.

Она вынырнула из-под стола, зажав в кулаке желтую зажигалку.

– Вы только не подумайте, что я свихнулась окончательно. Я совершенно нормальная. И мне кажется, что моя бабушка не умерла от несчастного случая. Мне кажется, что ее... убили.

Это было так неожиданно, что Кирилл забыл прикурить свою сигарету. Он ничего не говорил ей про пробки и про свои сомнения, тогда в чем дело?

– С чего вы взяли?

– Я нашла фен, – выпалила она и посмотрела по сторонам, – тот самый, который бабушка уронила в воду. Из-за которого она умерла. Мама с Мусей почему-то его не выбросили. Он лежал в шкафчике в ванной. В пакете.

– Ну и что?

– Кирилл Андреевич, это совсем не тот фен. У бабушки был другой.

– Какой другой?

– Я подарила ей фен на день рождения два года назад. Фирмы «Браун». Маленький белый фен. У нее не было другого. Она вообще никаких фенов долго не признавала, считала, что они портят волосы. Так вот. В пакете серый фен. Довольно большой. На нем написано что-то вроде «профессионал», я особенно не

рассматривала. Я сразу поняла, что это не тот фен.

- Почему вы уверены, что ваша бабушка именно его уронила в ванну?

- Маме его отдали, как только бабушку... увезли. Я сто раз у нее спросила. Я ничего ей, конечно, не говорила, но она сказала, что его вытащили из ванны. Понимаете?

По горлу у нее прошло движение, и она сильно затянулась сигаретой.

- Никто из нас не жил вместе с ней. Это просто случайность, что я точно знала, какой именно у нее фен. Потому что это я подарила. - Она снова сильно затянулась и неожиданно спросила шепотом: - Что мне теперь делать, Кирилл Андреевич?

Она спрашивала его так, как будто он был Шерлоком Холмсом, а она перепуганной мисс Мэри или мисс Сарой, обратившейся к нему за советом. Что там он должен сказать по сценарию? Ватсон, это дело как раз на одну трубку?

- Я не знаю, что вам делать, - сказал Кирилл Костромин, - прежде всего, это нужно проверить.

- Ничего не нужно проверять. Это не ее фен. Ее фена в доме нет, я все обыскала.

- Вы кому-нибудь рассказали об этом?

- Нет. Никому.

- Даже вашему Кире?

- Кира тут совсем ни при чем, - сказала Настя с досадой, - я никому не могу про это рассказать, кроме вас.

- Почему кроме меня?

- Потому что вы были тогда со мной в доме и... сочувствовали мне.

- Я не специалист по расследованию убийств.

- Я не прошу вас ничего расследовать. Вы только посоветуйте мне, что делать. Что я теперь должна делать?

- Не знаю.

Она замолчала. Пальцы, стискивавшие зажигалку, разжались, и Кирилл увидел, что рука у нее дрожит. Зажигалка пластмассово щелкнула, взметнулось невысокое пламя, осветило снежную скатерть и тонкие пальцы.

- Из милиции меня пошлют куда подальше, - сказала она и снова щелкнула зажигалкой.

- Пошлют, - согласился Кирилл.

Он все никак не мог осознать, что она толкует ему про убийство.

Зачем он позвонил?! Да еще газетку из стойки вытащил и посиживал с ней, сделав умное лицо, - все для того, чтобы показаться недоступным, хорошо образованным, соответствующим интерьерам роскошного отеля, процветающим и несколько утомленным столичным бизнесменом, милостиво согласившимся на свидание.

Черт знает что.

Хуже всего было то, что еще тогда, в доме, он понял, что дело нечисто. В доме пахло не просто бедой. В доме пахло убийством, хотя он совершенно не мог объяснить, почему.

И пробки выбило так странно.

Он не мог сказать ей, что у нее паранойя, так как носом чуял, что дело вовсе не в уроненном в воду фене.

- Ваша бабушка была богатой женщиной?

Настя нетерпеливо дернула головой:

– Я сто раз об этом думала. Я очень люблю детективы, а там всегда первый вопрос про завещание. У нее дом и квартира в Питере, на Каменноостровском проспекте. В ней живет тетя Нина, папина сестра. У бабушки двое детей, мой папа и тетя Нина. Папе она оставила свою «Волгу», тете Нине квартиру. Мне – дом. Сережке, это тети-Нинин сын, дедову коллекцию книг. Свете, это ее дочь, какие-то сапфировые серьги.

– Дом и коллекция книг – это разные весовые категории, – сказал Кирилл неторопливо.

– Ну конечно. Она очень меня любила, больше других внуков и племянников. У нее еще двое племянников, Соня и Владик. Бабушкина сестра, тетя Александра, намного младше бабушки, и ее дети почти мои ровесники. Владика бабушка оставила картины, Соне – бриллиантовое ожерелье, старинное и очень дорогое, а тете Александре Библию. – Тут Настя улыбнулась. – Они никогда не ладили, бабушка и тетя Александра. Тетя считала, что бабушка живет непозволительно легкомысленно. Они всегда из-за этого ссорились и в последнее время почти не виделись. Бабушка говорила, что слишком стара, чтобы тратить драгоценное время на выяснение отношений.

– Значит, – заключил Кирилл, – если вы не убивали вашу бабушку, это сделал кто-то из любящих родственников. Правильно я понял?

Настя вдруг изменилась в лице так сильно, что Кириллу показалось, что она сейчас хлопнется в обморок. Он даже отодвинулся немного, чтобы успеть ее подхватить.

– Я боюсь об этом думать, – выговорила она, старательно складывая губы, как будто контролируя каждое слово, – я не могу об этом думать. Потому что если это правда, даже частично, значит, вся моя жизнь кончилась. Навсегда. Понимаете?

Он молчал, глядя на нее.

– Моя семья – самое главное в моей жизни. Все имеет смысл, только когда есть семья. Всю жизнь я очень люблю родителей, бабушку, тетю, Сережку, Соню,

всех. Я не помню ни одного Нового года, когда бы мы не собирались у бабушки. Даже когда я в университете училась. Надо мной весь курс смеялся, потому что все в общежитии праздновали, шампанское пили, по углам целовались, а я у бабули на даче с мамой и папой гуся жареного ела. Иногда я от них устаю, иногда они меня бесят, особенно тетя Нина, которая всех учит жить, но я их люблю. Вернее, только их я и люблю. И если то, что вы говорите, правда, значит, вся моя жизнь – псу под хвост.

– А Киру? – спросил Кирилл, пропустивший мимо ушей большую часть ее речи.

– Что – Киру?

– Киру вы не любите?

– Господи, что вы все время меня о нем спрашиваете?

Он спрашивал потому, что этот Кира не давал ему покоя, просто в бешенство приводил.

У девушки с гладкими темными волосами, бледными щеками и зелеными петербургскими глазами не должно быть фактурного пляжного любовника. Тем не менее он был, и его наличие оскорбляло Кирилла.

– Кира совсем из другой оперы, Кирилл Андреевич, – сказала она и потянула со свободного стула его давешнюю газету, взятую «для форсу». Развернув, она стала зачем-то внимательно ее изучать. – Мне двадцать девять, на горизонте никого, на работе сплошь сорокалетние пузатые придурки, которые всем рассказывают, как у них не сложилась семейная жизнь, и... в общем, это совсем неинтересно. А вы читаете по-английски?

– С трудом, – почему-то честно ответил Кирилл, и она посмотрела на него с печальным изумлением.

Официант принес какие-то сверхсложные салаты, которыми славился этот ресторан, и некоторое время они молча ели, как будто обдумывая то, что только что сказали, а еще больше, чего не сказали друг другу.

– Слава богу, что вы приехали, – наконец произнесла она, – мне совершенно не с кем поговорить об этом. Не с Кирой же, в самом деле!..

Кирилл Костромин уже почти поверил в то, что приехал в Питер исключительно затем, чтобы встретиться с ней в этом ресторане – так она на него действовала.

Странный это был вечер. Ничего подобного с ним не случилось много лет, с тех самых пор, как он воображал себя посланцем Космоса, призванным спасти человечество от скверны. Да и тогда все это происходило не с ним, а с тем Кириллом, который был хиппи и носил старательно разрезанные в нескольких местах джинсы.

– Ну ладно, – снизошел он, доев салат до крошечки, – излагайте.

– Что? – не поняла она.

– Бросьте, госпожа Сотникова. Вы – девушка энергичная и умненькая. Прелюдию я выслушал, переходите к адажио.

– К какому адажио?

– Давайте дальше. Что вы надумали делать? Вы ведь что-то надумали, правда?

– Откуда вы знаете?

Он хотел было сказать «от верблюда», но верблюд никак не укладывался в образ столичного бизнесмена на ужине с молодой интеллектуалкой.

– Я очень умный, – заявил он, чувствуя себя именно таким.

– Понятно.

Это было сказано с ощутимой иронией, и он вдруг смутился.

Далась она ему, эта девица! С чего это он так хвост распушил? Ладно бы еще хороша была, а то ведь нет ничего, только что глаза зеленые и умненькая. Или

он просто устал от макак, вроде Леночки Брускиной, которые годились только для одного, простого и понятного дела, а разговаривать с ними было так же невозможно и тоскливо, как в жару пропалывать щавель на колхозном поле. И, главное, так же бессмысленно.

- Ну так что, госпожа Сотникова?

- Почему вы все время называете меня госпожой? - спросила она и улыбнулась бледной улыбкой. - Может, мне тоже называть вас господин Костромин?

Он приложил столько усилий, чтобы иметь возможность называться господином Костроминим, что, даже случайно произнесенное, это обращение доставляло ему удовольствие.

- Вы можете называть меня Кирилл, раз уж мы с вами ужинаем второй раз.

- А вы меня - Настей. Мне так проще.

- Ладно. Настя. Что вы придумали?

- Я должна все выяснить, - заявила она решительно, как о давно продуманном, - до конца. Я должна знать, кто убил мою бабушку и за что.

- Это проще сказать, чем сделать. Или вы наймете частного сыщика?

- Я не могу никого нанимать. Это касается моей семьи, и я не стану вмешивать в это дело посторонних. Ни в какое торжество закона я не верю. Я могу только разобраться сама.

- Все это очень красиво, - сказал Кирилл с раздражением, - но, по-моему, совершенно невозможно.

- Возможно. Я уговорила всех пожить неделю на петергофской даче. Как бы в память о бабушке и затем, чтобы разобраться с ее наследством. Ну, чтобы Сережка забрал свои книги, Владик картины, Соня бриллианты и так далее. Все согласились, потому что сейчас все за мной ухаживают. Я... с трудом все это пережила, заболела даже. Владик, по-моему, считает, что у меня временное

помрачение рассудка, но он тоже согласился приехать. Тетя Александра сказала, что сестра ее не признавала, так она хоть после ее смерти поживет в хоромах, в которых та жила всю жизнь. За неделю я что-нибудь выясню. Обязательно.

- Ничего вы не выясните, - сказал Кирилл. Ее самоуверенность его раздражала.

- Почему?

- Какой номер у моей машины?

- Что?!

- Номер. Номер моей машины вы помните?

- Нет. А почему я должна помнить?

- Потому что вы рядом с ней полчаса стояли. И не запомнили? Вы же на номера смотрели и спрашивали, из Москвы я или нет?

Она молчала.

- Номер вашей «Хонды» P468XX. Портфель вы кладете не на соседнее кресло, а запихиваете между сиденьями. Кстати, непонятно, как вам при этом удается ставить машину на «ручник». Когда вы за рулем, сигарету вы держите в левой руке.

- Господи, - пробормотала она, - как вы все это заметили?!

- Я начинал дальнобойщиком. Если трассу не знаешь, со стоянки лучше не выезжать. Вам как раз со стоянки выезжать нельзя. Вы ничего вокруг не видите, наблюдать не умеете, детали вас не интересуют. Какой из вас сыщик? Что именно вы станете выяснять за эту неделю? Кто из многочисленных родственников ненавидел вашу бабушку больше всех?

- Не знаю, - потерянно сказала она, - я об этом не думала.

– Кто еще упоминается в завещании? К кому перейдут дом и бриллианты в случае смерти нынешних наследников? Вашей, к примеру? Или этой Сони, которая получила ожерелье? Сколько оно может стоить? Тысячу долларов? Две? Десять? Где она станет его хранить, если оно на самом деле чего-то стоит? Кому из ваших так нужны деньги, чтобы из-за этого убить? Вы все это выяснили, обдумали и приняли решение, так?

– Нет, – сказала она. – Не так.

– Не так, – повторил Кирилл, – об этом я и говорю.

И попросил у официанта средиземноморский соус. Он любил озадачивать прислугу.

– Не лезьте вы в это дело, уважаемая госпожа Сотникова. Настя. Ни черта вы ни в чем не разберетесь, только дров наломаете.

– Вы правы, – согласилась она и стала с ожесточением кромсать нежное мясо, – конечно, вы правы. Только я все равно должна выяснить, кто убил мою бабушку. И за что.

– Ясно, – подытожил Кирилл, – как вам вино?

– «Шато-рез», лоза пятьдесят третьего года? – спросила она язвительно. – Так это называется?

– Послушайте, – возмутился он, – зачем вы мне грубите? Это не я вас, это вы меня приглашаете на свидание, уже во второй раз.

– У нас свидание? – ничуть не смутившись, уточнила она.

– Нет, – буркнул он.

– Так я и знала.

– Что вы знали?

– Что у нас не свидание.

– А вы думали, что у нас свидание?

– Мне не везет на свидания, – пожаловалась она, словно забыв, что они почти ссорятся. – Бабушка всегда меня ругала, говорила, что я слишком большое значение придаю этому вопросу. Те, с кем мне хочется пойти на свидание, меня почему-то не приглашают. А с кем не хочется, я не хожу. Хорошо, что вы в Москву уезжаете, а то бы я вас опять пригласила и чувствовала себя идиоткой.

Тут Кирилл Костромин перепугался.

У него со свиданиями тоже была большая проблема.

Никогда в жизни, с тех пор как ему исполнилось двадцать, его не интересовали многометровые ноги и голливудские груди. До двадцати они имели основополагающее значение, а потом перестали. Все это было хорошо как бы в дополнение к чему-то более человеческому, а ничего человеческого ему не попадалось.

Время от времени он, конечно, затевал какие-то более или менее бессмысленные романы с ногами и бюстами, но очень быстро уставал и расставался безболезненно и легко. Все его ровесницы давно были разобраны, а оставшиеся или никуда не годились сами по себе, или были ему неинтересны. Его пугали до полусмерти женщины-вампы, помешанные на карьере, и осатаневшие от одиночества и нищеты старые девы, бросавшиеся на него, как быки на матадора. С юными созданиями он маялся от скуки, слушать Децла не желал, не знал по именам знаменитых диджеев и не хотел получить в подарок «уникальное Пепси-радио». Однажды он провел выходные с девицей, которая искренне считала, что Иосиф Бродский – это древнееврейский философ. Между прочим, девица обучалась в престижнейшей юридической академии и слыла там за начитанную.

Хорошо хоть, она не считала, что он американский модельер. Повезло Бродскому.

Не то чтобы Кирилл Костромин был блестяще образованный интеллектуал, но все же ему хотелось иногда поговорить хоть о чем-нибудь, отличном от

сезонных скидок в «МЕХХ», и о том, что вчерашняя премьера в «Кодаке» – «полный отстой». Впрочем, если попадались такие, которые посещали «МЕХХ» и «Кодак», можно было считать, что ему повезло. Хуже обстояло с теми, кто посещал дискотеку «От винта» и бар на Преображенке.

Настя Сотникова была первой женщиной за много лет, с которой он на самом деле разговаривал. И это его пугало.

– Кирилл Андреевич, я просто так сказала. Вы не беспокойтесь. Это мой родственник Владик считает, что у меня помрачение рассудка, а на самом деле я вполне дееспособна. Я не стану больше приставать к вам со свиданиями. Честно. Спасибо и на этом. Вам когда в Москву?

– В понедельник я улетаю в Дублин. Отсюда, из Питера. Вернусь через две недели, тогда и поеду в Москву.

– У вас отпуск или командировка?

– Отпуск.

– Господи, это такое счастье – отпуск. Когда вы вернетесь, я уже все буду знать.

– Ну да, – сказал Кирилл жестко, – или вас к этому времени похоронят рядом с бабушкой.

– Почему? – спросила она испуганно.

– Да потому, что, как только вы полезете со своими выяснениями в банку с пауками, паук-убийца от вас избавится. От вас избавиться легче легкого. Даже не на счет «три», а на счет «раз». Въедете вы на вашей дохлой машине в какую-нибудь речку, благо речек тут у вас полно, и дело с концом.

– Я не въеду, – проговорила она храбро, – я машину десять лет вожу.

– Да от вас и не требуется въезжать. Вас где-нибудь придушат, а машину под горку скатят, только и всего. Вы ведь даже приблизительно не представляете себе мотивов. А вдруг и вправду какие-нибудь деньги замешаны, отличные от

тысячи долларов? Или произведения искусства? Вы бабушкины документы, дневники, бумаги смотрели? Наверняка ведь они в доме есть, если она в нем всю жизнь прожила.

- Нет, - сказал Настя, чувствуя себя круглой идиоткой, - ничего я не смотрела. Я посмотрю сегодня. У меня как раз будет время до понедельника.

- До понедельника! - фыркнул Кирилл.

- Кофе? - нежно спросил выткавшийся из воздуха официант. - Эспрессо? Капучино?

- Мне, если можно, большую чашку, - попросила Настя и улыбнулась официанту, чего Кирилл никогда не делал. Официант улыбнулся в ответ вполне человеческой улыбкой, - и покрепче.

- Мне то же самое и минеральную воду «Перье». Холодную. С лимоном. И сигареты «Парламент».

- Конечно.

Настя посмотрела в спину официанта, который двигался как балетный танцор, а потом взглянула на Кирилла:

- Неужели вы и вправду считаете, что меня могут... убить?

- Убили же вашу бабушку, - он равнодушно пожал плечами, - почему не могут убить вас?

- Потому что это невозможно, - выговорила она отчетливо, - невозможно, и все.

- Возможно все.

- Нет, - сама себе сказала она, - нет. Не может быть.

В эту секунду, когда она сказала себе «не может быть», он принял решение.

Оно пришло само, как все важные решения в его жизни, и он должен был только сделать выбор – принять его или забыть о нем. За десять лет из водителя большегрузных машин он стал владельцем процветающей, агрессивной и хищной, как новорожденный динозавр, компании. Он умел быстро и правильно оценивать приходящие к нему решения.

Он ничего не потеряет, кроме времени. Если попытка будет неудачной, он впишет ее в графу «непредвиденные обстоятельства» и станет жить дальше. Если она окажется удачной – ну хоть на этот раз! – никакие Децлы, а заодно и Бивисы и Бадхеды женского пола ему больше не понадобятся.

«Ах, как намаялась я с тобой, моя попытка номер пять» – завывал кто-то у него в приемнике, когда он ехал в Питер.

И все-таки было очень страшно.

Несмотря на тридцать два года, на опыт, на отточенное за много лет умение контролировать ситуацию и оборачивать ее в свою пользу.

– Настя, – сказал он, в затылке стало тяжело, – бросьте вы эту вашу затею к черту. Поехали со мной в Дублин. В понедельник. Хотите?

К ее чести, она не стала корчить никаких рож и с возмущением выбегать из зала тоже не стала.

– Нет, – сказала она спокойно, – не хочу.

– Почему?

– Вы мне очень нравитесь, – объявила она решительно, – я не хочу с вами никакого отпускного романа. Я потом из него не вылезу много лет. Но за предложение спасибо. Вы мне польстили.

В затылке немножко полегчало.

Он ей нравится. Он нравится ей так, что она опасается, что влюбится в него. Если только он все правильно понял.

– Я не маньяк-убийца, – сообщил он на всякий случай, – и у меня нет жены и трех малюток.

– Как это вас никто до сих пор не слопал? – искренне удивилась она.

– Меня слопать трудно, – сказал он, быстро соображая, что делать дальше, – я очень осторожный. Близко никого не подпускаю.

Она кивнула:

– Правда, спасибо вам, Кирилл Андреевич.

– Пожалуйста, – ответил он, рассердившись, – не за что. Раз не хотите в отпуск, давайте попробуем с другой стороны.

– С какой стороны?

– С другой. Давайте проведем это ваше чертово расследование. Все равно без меня вы не справитесь. Отпуск нам не подходит, пусть будут трудовые будни.

– Какие будни, Кирилл Андреевич? – спросила она осторожно, рассматривая его, словно пытаясь на взгляд определить, не сошел ли он с ума. Он и сам хотел бы это знать. – Вы же послезавтра улетаете в Дублин.

– Я могу улететь в Дублин через неделю. За неделю мы выясним, что произошло с вашей бабушкой, вы проникнетесь ко мне уважением и благодарностью, и я этим воспользуюсь, чтобы вас соблазнить.

– Вы от меня без ума? – уточнила она.

– Вы мне даже не нравитесь, – сообщил он, – но у вас есть чувство юмора, характер, зеленые глаза, и вы знаете стихи «каждый выбирает по себе». Этого мне пока достаточно.

– Я еще говорю по-английски, играю на пианино и пеку изумительные плюшки, – доложила она голосом первой ученицы, – могу наизусть продекламировать

стихотворение «Памяти Добролюбова». Девятый класс средней школы. Пушкин написал «Евгения Онегина», а Лев Толстой «Анну Каренину».

- Вы точно уверены, что не наоборот?

- Сто пудов, - сказала она сосредоточенно, и он захохотал так, как никогда не хохотал в ресторанах - громко и от души.

Он вообще никогда не делал на публике ничего такого, что могло бы поставить его в дурацкое положение. Он все время контролировал себя как будто со стороны, ему всегда было дело до того, кто и что о нем подумает.

Спохватившись и даже вроде устыдившись, он хлебнул горячего кофе, поморщился и быстро запил водой.

- Ну что?

- Я не очень понимаю, как все это будет, Кирилл Андреевич, - сказала она неуверенно, - а вы?

- А я понимаю. Вы привезете меня в Петергоф и скажете родственникам, что я и есть... ваш Кира. Вряд ли кто-то из ваших с ним знаком. Или знаком?

Она отрицательно покачала головой.

- Ну вот. Видите, какой я умный. Мы вместе попробуем определить убийцу, при условии, что было убийство и что родственники имеют к нему отношение. Если в конце недели мы не перегрызем друг другу глотки, значит...

Значит, расчет был правильным, и ты сможешь успокоиться и перестать искать среди ног, бюстов и акульего щелканья зубастых пастей кого-то, кто был бы тебе просто приятен, с кем можно было бы поговорить, кто никогда не станет называть тебя Кирой, с кем можно будет разделить Дублин, и уют старого отеля, и субботнюю утреннюю лень, и бутылку пива - одну на двоих - перед телевизором, и суматоху сборов на работу, и накатывающую временами усталость и безысходность.

Может быть, он даже расскажет ей про то, как ненавидит бедность, и как весь класс смеялся над ним, когда на физкультуре он пытался всунуть ноги в войлочных башмаках в ременные крепления доисторических лыж, и как недавно в Австрии он купил себе самые дорогие горные лыжи. Купил просто потому, что ненавидел те, со свинными перекрученными ремнями вместо креплений.

Он никогда и никому об этом не рассказывал.

– То есть всю неделю вы будете жить со мной в бабушкином доме и делать вид, что вы и есть Кира, – уточнила она с дрожащей нервной улыбкой, – вы познакомитесь с моими родными и станете следить за ними, чтобы определить, кто из них убийца. Они будут думать, что вы мой... любовник, а на самом деле вы советский разведчик Максим Максимович Исаев.

– Ну да, – согласился Кирилл, – а через неделю мы с вами улетим в Дублин. Отдыхать. Если вы захотите, конечно.

– И если вы захотите тоже.

Он кивнул и закурил свой «Парламент», не веря в то, что только что сделал. Предложил себя в любовники девице, которую видел второй раз в жизни.

Да еще так... настойчиво предложил. И решился перенести на неделю отпуск, и ввязывался в дикую историю с поиском убийцы ее бабушки среди ее же родственников.

На это был способен тот Кирилл, что толкался в кафе «Сайгон» среди неформалов всех мастей. Этот Кирилл Костромин ни на что такое не был способен. По крайней мере, до сегодняшнего дня он знал совершенно точно, что не способен.

– А жить всю эту неделю мы с вами будем в одной комнате? – спросила она все с той же нервной улыбочкой.

Он посмотрел на нее и ничего не ответил.

– Хорошо, – вдруг сказала она громко, непозволительно громко для сытой ресторанной приглушенности, и он посмотрел по сторонам, не слышит ли их кто. – Без вас я действительно не справлюсь, а помощи больше ждать неоткуда. Хорошо.

– Я не частный сыщик, – произнес он с нажимом, – по правде говоря, эта часть соглашения интересует меня меньше всего.

И тут она улыбнулась ему и неожиданно сняла очки. От этого движения, совсем не интимного и нисколько не кокетливого, Кирилл Костромин вдруг стал реже дышать.

Без очков она казалась совсем молоденькой и немножко растерянной, как все близорукие люди. На щеках горели два ярких пятна – должно быть, разговор с ним, особенно в финальной части, дался ей нелегко. Изящные скулы, прямой нос, виски с тонкими ниточками вен. Ровные брови и очень зеленые глаза.

Анастасия Сотникова. Ничего особенного.

– Завтра я встречаюсь с партнером, – заговорил он решительно. Нужно было сделать над собой усилие, чтобы дышать нормально, и он его сделал. – Мы завтракаем здесь в десять. Когда начинают собираться ваши родственники?

– По-разному. Сережка приедет сегодня. Света завтра. Соню и тетю Александру привезет папа. Тоже, наверное, завтра.

– Вы сможете завтра днем за мной заехать? Кстати, этот ваш Кира кто? Тренер по плаванию?

– По теннису, – сказала она и сильно покраснела, до глаз, до бледных висков, – это ужасно, что вы все понимаете. Я так не могу.

– Значит, на своей машине я не поеду. Или никто не знает, что он тренер?

– Только бабушка знала.

– Это ничего не значит. Она могла рассказать любому. Вам придется за мной заехать. Машину я оставлю здесь.

Он терпеть не мог оставаться без машины. Он всегда был на машине. Без нее он чувствовал себя, как собака, привязанная к многопудовой гире. Вроде передвигаться можно, а вроде как и нельзя.

Во что он ввязался?!

– Вы привезете меня на дачу и скажете, что хотите показать меня родным, раз уж выпал такой случай и все собрались вместе. Кстати, можно не объявлять, что я тренер. Если кто-то знает, это выяснится само собой, а если нет, то лучше помалкивать. В теннис я все равно не играю. И постарайтесь все время ходить за мной или по крайней мере быть в поле моего зрения. Ну, как будто вы в меня влюблены и не в силах со мной расстаться. Черт его знает, может, вашу бабушку и в самом деле убили.

– Вы думаете, что меня тоже могут... убить?

– Не знаю, – ответил Кирилл тихо, – все возможно.

Чухоточная «Хонда» затормозила у кованых железных ворот, и Кирилл внимательно посмотрел на Настю. Она разжала ладони. На блестящем пластике руля остались быстро тающие влажные пятна.

– Я боюсь, – сказала она одними губами.

– Мы с вами на «ты», – напомнил он, – через неделю мы собираемся в отпуск. У нас все хорошо.

– У нас все плохо, – выговорила она, – я привезла вас потому, что думаю, что кто-то из моих родных убийца. Господи, это невозможно!

– Вы привезли меня потому, что в меня влюблены и хотите, чтобы семья со мной познакомилась. Только не переиграйте. Все равно в звезды мирового кинематографа мы с вами не годимся.

- Не годимся, - согласилась она.

Кирилл улыбнулся и, перегнувшись через портфель, втиснутый между сиденьями, потянулся и поцеловал ее в щеку. А потом еще раз, в ухо.

Прямо перед собой она увидела серые очень внимательные глаза, в которых не было никакого чувства, только настороженность. У него были приятные губы, не мокрые и не скользкие, и пахло от них хорошо - всю дорогу он мусолил «Орбит белоснежный», и это жевательное движение удивительно ему не шло.

Отстранившись, он некоторое время молча смотрел на нее, а потом выбрался из машины. Открыл заднюю дверь и потянул с сиденья объемистый желто-серый рюкзак.

- Ты машину в гараж загонишь? - спросил он, наклонившись к ее окну. - Или здесь оставишь?

- Наверное, в гараж, - ответила она немного дрожащим голосом, - папа приедет, ему негде будет встать.

- Настена, это ты приехала? - бодро закричали с участка, - Света, открой ворота, Настя приехала!

- Я не могу! Пусть Сережка откроет!

- Сережа! Сережа, открой, Настя приехала! Сережа! Ты что, не слышишь?

- Я сейчас открою, - раздался где-то поблизости решительный женский голос, и из кустов смородины выбралась молодая женщина в джинсах и майке. Выбравшись, она оказалась прямо перед носом у Кирилла.

- Здравствуйте, - сказала она и улыбнулась.

- Здравсти, - сказал Кирилл.

– Мусенька, привет, – за спиной у Кирилла произнесла Настя, – вечно тетя Нина какой-то шум поднимает. Я вполне могу сама открыть ворота.

– Я уже открываю, – ответила решительная Муся. Под мышкой у нее были грязные нитяные перчатки, волосы перевязаны косынкой, как будто банданой.

– Кирилл, это Муся, бабушкина помощница по дому. Муся, это Кирилл. Мой... друг.

– Я уже поняла, – сказала помощница по дому и улыбнулась. От глаз у нее разбежались морщинки. Кирилл с удивлением подумал, что она совсем не так молода, как ему показалось сначала, – теперь я Настина помощница по дому. Агриппина Тихоновна умерла. Настя вам, наверное, рассказывала.

– Рассказывала, – согласился Кирилл.

– Муся, почему Настя не заезжает? С кем ты там разговариваешь? А Настя где?!

– Тетя Нина, я здесь, не шумите!

Гравий захрустел по дорожке, дрогнули ветки старой сирени, и Кирилл даже отступил немного. После всех этих криков и громких указаний он ожидал почему-то увидеть маленькую верткую женщину в сарафанчике, а из калитки выступила статная красавица неопределенных лет – скорее молодая, чем старая. Она была гладкая, золотоволосая, как будто вся подогнанная, как корпус гоночной яхты.

– Настя? – спросила она строго, но посмотрела почему-то на Кирилла.

– Добрый день, – сказал Кирилл.

– Я сейчас заеду, – громко пообещала из машины Настя, – и нормально поздороваюсь. Тетя Нина, это Кирилл. Только ты сразу на него не бросайся, ладно?

– Это, конечно, не мое дело, – заявила золотистая и блестящая тетя Нина очень твердо, – но, по-моему, вы совершенно напрасно приехали, уважаемый. Я не

знаю, зачем Насте понадобилось приглашать совершенно постороннего человека. Ей простительно, она все еще переживает смерть бабушки, но вы-то должны иметь понимание и такт!..

«Ого!» – подумал Кирилл.

– Перестань, тетя Нина! Я же тебя вчера просила!

Значит, вчера она выдержала еще и битву с родными, отвоевывая его присутствие! Это укрепило его в ненависти к большим семьям, а вслух он сказал со всей приятностью, на которую только был способен:

– Понимание и такт у меня начисто отсутствуют, – и улыбнулся, – и вы в этом скоро убедитесь, Нина Павловна.

Произошла некоторая всеобщая пауза, за которую Кирилл Костромин себя похвалил.

– Настя, заезжай, – спохватилась догадливая Муся, – ты в город сегодня-завтра не поедешь?

– Нет, наверное.

– Тогда Дмитрий Павлович сможет поставить машину у самых ворот.

Дмитрий Павлович – Настин отец. Есть еще мать Юлия Витальевна, тетя Александра, Соня, Владик, Света и Сергей, которые никак не могли решить, кому из них открывать ворота.

С ума сойти можно.

Кирилл Костромин предпочитал жить один. Это такое счастье, когда никому ничего не должен, когда все зависит только от тебя, когда не нужно давать объяснений, и спрашивать разрешения, и подстраиваться, и отчитываться, и «взаимовыручать» друг друга, как учили его родители.

Тетя Нина еще постояла некоторое время, но, так как Кирилл не обращал на нее никакого внимания, смотрел сквозь темные очки на Финский залив, как бы в порыве безудержного восторга, повернулась и пошла в сторону дома. Кирилл слышал за спиной удаляющийся шелест гравия.

– Зачем вы так резко? – тихо спросила рядом помощница Муся, – Нина Павловна у нас женщина непростая. Вы уедете, а Насте теперь достанется.

– Не достанется, – сказал Кирилл, не поворачиваясь, – ей не пять лет.

Он не видел, как Муся пожала плечами, но она совершенно точно ими пожала и полезла обратно в черную смородину.

Кирилл медленно повернулся и посмотрел на дом.

Может быть, потому, что был день и солнце плавилось в небе, как кусок оранжевого мороженого, и залив блестел по-дневному приветливо, и деревья, изнемогшие от зноя, стояли не шелохнувшись, островерхий дом казался ожившим и помолодевшим, как будто обретшим второе дыхание. Пахло свежескошенной травой и близкой водой залива.

Дальше до поворота был только один дом, стоявший вплотную к разбитой дороге. Поначалу Кирилл решил, что он необитаем, но потом заметил новую собачью будку и примятую калиткой траву и посмотрел на окна. Он знал, что по окнам всегда можно определить, живут в доме или нет. Стекла не мыли много лет. Солнечный свет заливал мутную поверхность, делал ее слепой. Крепкие некрашенные рамы, избитые дождями, были серыми от лишайника.

Кто-то из окна смотрел на Кирилла. Он видел только силуэт, раздробленный пыльным стеклом. Силуэт был неподвижен и темен, как сфинкс.

Кто живет в этом доме? Почему смотрит так пристально? Почему сидит за пыльным стеклом, когда на улице жара и светит солнце?

Неуловимое движение, тень – и силуэт исчез. Привидение там, что ли, бродит?

Кирилл закинул на плечо лямку рюкзака, задрал на лоб очки, вошел в калитку и тихо прикрыл ее за собой. Муся в кустах пела себе под нос: «Лодочка вдоль берега медленно плывет».

– Значит, мужчина жизни – это вы, – произнес совсем рядом насмешливый женский голос, и Кирилл резко обернулся. Он не любил, когда его заставляли врасплох, – а Настя вас так долго скрывала! Чем это вы так оскорбили мою мамашу? Она сказала, что вы хам.

Света, понял Кирилл. Двоюродная сестра, дочь яхтообразной Нины Павловны.

Ноги от коренных зубов, груди под тонкой футболкой вызывающе аппетитны, кожа безупречно свежа и в меру смугла, ногти на ногах и руках выкрашены в один цвет – приятный и непошлый, джинсовые шорты обрезаны так, что соблазнительно блестит в конце полоска незагорелой кожи.

Всемиловитый святой Петр, подумал Кирилл Костромин.

– Что это вас так проняло? – спросила Света, внимательно на него глядя. – Или вы желаете изменений в программе?

– Ка... ких изменений? – пробормотал он, запнувшись.

Торжество явственно обозначилось на красивом загорелом лице.

– А любых. Я женщина свободная и раскрепощенная. А вы?

– Кирилл, вас Настя ждет у крыльца, – проговорила рядом давешняя Муся, – может быть, кофе сварить? До ужина еще далеко, мы не готовили. Свет, а вас Нина Павловна звала.

Кириллу стало смешно.

– Не переживайте, – сказал он Мусе и опустил на глаза очки, – все будет нормально.

– Насчет изменений в программе вы подумайте как следует, – проговорила ему в спину невозможная Света.

– Я подумаю, – пообещал Кирилл.

Насти не было у крыльца, должно быть, бдительная Муся все придумала, и, сбросив легкий рюкзак на нижнюю ступеньку, он посмотрел по сторонам.

За домом визжала газонокосилка – интересно, кто там косит, родственник Сергей или специальный садовник? Как это называется, чтобы было красиво и необходимо? Помощник по саду, наверное.

На террасе звенели чашки – кто-то уже сварил кофе и собирался пить. Старая сирень грела на солнце плотные темно-зеленые листья, стояла неподвижно, словно не дыша.

Кирилл посмотрел в глубину сада, пытаюсь определить, где кончается одна усадьба и начинается другая, та, в которой обитают привидения, но не определил.

Привидения привидениями, но трава у калитки была примята вполне материально.

Приятно прохрустел гравий у него за спиной, и он спросил:

– На соседнем участке кто живет?

– Понятия не имею, – ответила Настя, – когда-то бабушка и дед дружили с соседями, меня тогда на свете не было, только фотографии остались, а потом... не знаю. Кажется, их дети куда-то уехали, то ли в Канаду, то ли в Израиль, а дом продали. Бабушка говорила, что там почти никогда никого не бывает.

– А собака?

– Какая собака?

– На том участке есть собака?

– Я не знаю, Кирилл, – ответила она удивленно, – а что такое с этой собакой?

– Ты никогда не видела там собаку?

– Нет.

– Странно, – сказал он и улыбнулся ей, – будка есть, а собаки нет.

– Может, они только собираются купить собаку.

– Тебе теперь попадет от тетушки? – спросил он. – Я вел себя плохо?

– Все это ерунда, – ответила она бодро, – разберемся. Пойдем, вещи отнесем.

– Кофе пахнет. Или мне теперь не дадут?

– Дадут. Я... мы с тобой живем на втором этаже. Пойдем.

«Мы с тобой» прозвучало многообещающе, но несколько неуверенно.

Кирилл подумал о том, как ей должно быть неловко. Ему тоже было неловко, но сам перед собой он делал вид, что ничего особенного не происходит. Все нормально, все в порядке вещей, ему тридцать два года, это была его инициатива, он контролирует ситуацию, он привык принимать решения.

...При чем тут умение принимать решения? Какое это имеет значение? Он волнуется, как жених в первую брачную ночь, и ничего не может с собой поделать. Он полночи не спал, все думал, как это будет, даже в бассейн пошел не в полседьмого, а около шести, поняв, что лежать больше не может ни минуты.

Он изучал соседний дом, выпендривался перед тетей Ниной, обзирал образцово-показательные груди двоюродной сестрицы и все время думал, что эту ночь он проведет в одной постели с Настей Сотниковой.

Мрачно глядя куда-то в область ее попки, он поднялся следом за ней по темной лестнице с полированными прохладными перилами.

На втором этаже тоже был коридор, вазы с сухими цветами стояли прямо на полу.

– Зачем такая прорва сухих цветов? – вдруг спросил он с раздражением. – Это что, мавзолей?

Настя удивленно взглянула на него и открыла дверь, из которой в полумрак коридора обрушился солнечный свет. От того, что она так спокойна, он разозлился еще больше.

– Проходи.

Комната была большой, квадратной, и в ней отсутствовали сухие цветы. Зато обнаружили веселые лимонные шторы, громадный письменный стол – а на нем компьютер! – старомодный гардероб, стеклянная дверь на балкон и кровать. При виде этой кровати Кирилл Костромин быстро сунул в рот сигарету.

– Пепельницу дать? – насмешливо спросила Настя, как ему показалось, издалека.

У кровати были не ножки, а драконьи лапы, попиравшие старый ворсистый ковер. Чугунное массивное изголовье расплзлось немыслимыми изгибами и собиралось в замысловатые узлы. Покрывало было бескрайним, как целина. Венчал все сооружение полог той же ткани, обшитый по краю упругой оборочкой с розовыми помпонами.

Это была не кровать. Это был гимн сексу.

Кирилл отвел глаза.

– Вещи можешь положить в гардероб.

– Какие вещи?

– Свои. У тебя есть что положить в гардероб?

Он соображал с некоторым трудом:

- А... да.

- Ванная в коридоре. Я тебе потом покажу. Сережка, родители, тетя Александра и тетя Нина живут внизу. И еще Соня. Без Сони тетя Александра обойтись не может. Она ей даже ночью чай подает и лекарства. А здесь Света, Владик и... мы.

Мы. Это замечательно.

- Ты здесь ночевала, когда приезжала к бабушке?

- Конечно. Это лучшая комната на втором этаже. Бабушка объявила, что она моя, как только я родилась, и с тех пор никого в нее не пускала. Родители здесь жили, когда я маленькая была. Со мной, естественно. А потом я стала жить одна.

- Ты теперь переедешь в Петергоф? - спросил Кирилл и все-таки закурил.

- Конечно. У меня в городе совершенно ужасная коммуналка, на Владимирском. Ездить далеко, но в коммуналке я больше жить не стану.

Он вытащил из рюкзака идеальную стопку вещей и поместил на свободное место в гардеробе.

- Мне трудно говорить вам «ты», - сказала Настя, поглядев на стопку мужских вещей в своем гардеробе, - очень трудно.

- Привыкнешь.

- Не знаю.

- Привыкнешь, - повторил он, потушил сигарету и неожиданно поцеловал ее в губы.

От его губ пахло табаком и мятой – «Орбит белоснежный», знай наших! – щека, которой Настя коснулась щекой, оказалась чуть влажной и шершавой. Шея была широкой, сильной и загорелой, и грудь в распахнутом вороте льняной рубахи – тоже загорелой и слегка влажной.

И все это, чужое, незнакомо пахнущее, странное, двигалось рядом с ней, дышало и не давало трезво оценить ситуацию.

Господи, неужели она целуется с человеком, который спросил у нее на стоянке: «Когда в последний раз вы выключали фары?» – и с величественной холодностью вынул из багажника сверкающие «крокодилы»?!

Произошло какое-то движение, Настя открыла глаза и поняла, что он снял с нее очки. Ей нужно было немедленно сказать ему, чтобы он перестал, что она не может говорить ему «ты», а уж целоваться тем более не может, она даже губы сложила, чтобы все это сказать, но как-то так получилось, что они опять целовались. Очень быстро она позабыла, что хотела ему сказать, обняла руками за шею и вздохнула легонько. Кожа вдруг стала болезненно чувствительной, как будто она слишком долго сидела на солнце. Она провела голый ногой по его ноге и замычала от удовольствия, чувствуя джинсовую шершавость. Он подхватил ее под попку, поднял, прижал к себе, не отрываясь, только теперь она была выше, держала в ладони его затылок и трогала подушечками пальцев густые светлые волосы у него на затылке.

Он откинул голову и посмотрел на нее. Глаза у него были очень внимательные. Насте ментально стало стыдно.

– Ну что? – спросил он. – Теперь легче?

– Что легче? – Господи, хоть бы очки надеть, закрыться от него!

– Легче называть меня на «ты»?

– Не знаю.

– Все дело в твоей кровати, – сказал он серьезно, посмотрел на ее шею, повернул голову, словно примериваясь, и поцеловал, – в присутствии такой кровати

думать ни о чем невозможно.

Настя моментально оскорбилась. Только что она мечтала, чтобы он отпустил ее и она могла бы спокойно подумать. Теперь, когда он готов был ее отпустить, ей стало обидно.

– А я думала, что все дело во мне, – пробормотала она и, взявшись за его руки, попыталась расцепить их, – я, наверное, ошибалась. Пусти меня, Кирилл.

Он встряхнул ее, как мешок с мукой, и не отпустил.

– Как ты думаешь, если мы запрем дверь и выйдем отсюда завтра утром, это будет очень неприлично? Или сойдет?

Красный цвет полыхнул и затопил ее.

– Ты что? – прошипела она. – С ума сошел?

– Конечно, сошел, – сказал он уверенно, – разве нормальный человек может вместо Дублина поехать в Петергоф искать убийцу бабушки? Разве нормальный человек станет...

– Перестань, – попросила она, – я не могу тебя слушать.

– Я сам себя не могу слушать, – признался он.

– Я тебя боюсь, – сказала Настя. Ей хотелось потрогать его волосы, и она осторожно потрогала.

– Я тебя тоже боюсь. – Он разжал руки, и она съехала по нему на пол.

Откинув легкую штору, он по-хозяйски открыл дверь и вышел на маленький круглый балкончик. Прямо перед ним была макушка голубой елки, и Кирилл осторожно подержался за нее рукой.

Нужно успокоиться. Ему тридцать два года, и он контролирует ситуацию.

Ничего не получалось.

- Когда приедут твои родители и... тетя Александра?

- К вечеру.

Он посмотрел на свою ладонь. На ней остался липкий след. Он понюхал – ладонь пахла смолой.

Он шагнул в комнату и прикрыл за собой дверь.

- Ты мне потом покажешь фен? Ты мне просто скажи, где он лежит, и я посмотрю. Хорошо?

- Хорошо. Ты знаешь, – сказала она решительно, – мне кажется, я зря все это сочинила. А, Кирилл? Ну не может такого быть! Мы все любим друг друга, и бабушку все тоже очень любили, по-разному, но любили, даже Муся.

- Почему – даже?

- Ну, Муся же не родственница. И работает недавно.

- У тебя она тоже будет работать?

- Конечно. Я не смогу следить за таким доминой как следует. Может, она не три раза в неделю станет приходить, как к бабушке, а раз или два.

- Откуда у твоей бабушки были деньги? Дед ведь давно умер, правильно?

- Правильно. Его посадили в сорок девятом, выпустили в пятьдесят четвертом, и, по-моему, в пятьдесят шестом он умер.

- Она работала?

- Она работала, как все интеллигентные женщины при обеспеченных мужьях. Научным сотрудником в Русском музее. – Настя улыбнулась. – Она любила свою

работу. Диссертацию защитила, статьи писала. Одна ее статья даже включена во французский путеводитель по Санкт-Петербургу. Она очень гордилась.

- На домработницу и машину никак не хватит, - сказал Кирилл задумчиво.

- Наверное, что-то осталось от деда. - Настя умоляюще посмотрела на него, как будто просила немедленно согласиться, что деньги остались от деда, и ее драгоценная бабушка просто тратила их.

- Насть, - спросил он нетерпеливо, - что это были за деньги, если их хватило на сорок пять лет? Нет, больше! Вряд ли он из тюрьмы вернулся на свою должность, правильно?

Она молча смотрела на него.

- Значит, с сорок девятого года она жила одна. Вернее, с детьми. И все сохранила.

- Что?

- Дом, книги, картины, драгоценности. Это ведь все осталось. На что она жила?

- Я не знаю. Мы никогда об этом не думали. Я помню, что, когда родители предлагали ей денег, она говорила, что ей хватает. Ну, и они перестали предлагать.

- А дед кем был?

- До войны главным инженером Волховстроя. В войну возводил какие-то переправы и понтоны. А после войны здесь, в Питере, электростанцию строил. Потом его посадили, и он, конечно, больше не работал.

Кирилл все нюхал ладонь, пахнущую молодым лесом.

Иногда его оставляли у бабушки до осени. У него болели уши, и школу он пропускал. Потом он стал придумывать про уши, и его все равно оставляли, потому что родителям было недосуг проверять. Братьев и сестер забирали, и

они оставались с бабушкой вдвоем.

Бабушка с утра уходила на ферму и в огород, а он был один, совсем один в ее большом неухоженном доме! Господи, какое это было счастье! Он мог читать, мог петь, мог слоняться просто так, и никто не делал ему замечаний, что он болтается без дела, а в их семье «каждый имеет свой ряд обязанностей». Этот «ряд обязанностей», сказанный поучительным отцовским тоном, снился ему в отвратительных снах.

Он читал толстую растрепанную книгу с редкими картинками, почти ничего не понимал, но все равно читал, потому что мог читать в любое время, а не в «час, отведенный для чтения». Потом оказалось, что это пьесы Островского, изданные в девятьсот четвертом году.

Приходила бабушка, приносила какое-нибудь лакомство – свежий белый калач или горстку ирисок с налипшими на них крошками и шелухой от семечек, и они пили чай, долго, со вкусом, и одинаково отдувались, и никуда не торопились, и молчали, потому что за лето до смерти уставали от разговоров. Потом он играл на щелястом холодном полу, катал грузовик, который бабушка одалживала у соседки, чьи внуки к тому времени давно уехали в город, дудел в деревянную дудку, пугая худого желтоглазого кота, укладывал в коробку пластмассового зайца с оторванной лапой. Заяц был совсем старенький, но он любил его, хотя братья и оторвали ему лапу, играя им в футбол.

И еще бабушка брала его в лес. Летом она не ходила в лес – ей не уйти было от дома, стирки, готовки на такую ораву детей, а осенью ходила и его брала с собой.

В лесу было просторно и тихо, слышно, как лист, падая, цепляется за ветки. Все было желтым и красным, и пахло остро и сладко – так, как сейчас от его ладони. Молодым лесом, близкими холодами, умирающими листьями, подмороженной травой. В траве стояли крепкие, как огурчики, холодные и плотные грибы. Корзинка тяжелела, и обратно ее всегда несла бабушка.

Иногда ему удавалось пробыть у нее месяц. Это было самым большим счастьем в его жизни. Она укладывала его спать под теплым боком громадной, как слон, печки, крестила, шептала что-то вроде «бедолажный ты мой, бедолажный», и утро начиналось прекрасно – осенним солнцем, лежащим на полу, горячим

молоком, пластмассовым зайцем, бабушкиными бодрыми тяжелыми шагами.

Потом она умерла.

И черт побери, он так и не купил ей синюю чашку, как у Клавдии Степановны!..

В его ладони оказались тонкие теплые пальцы, и он вдруг сильно сжал их.

- Ты что-то задумался, Кирилл.

- Да, - сказал он, - я задумался. Ты смотрела какие-нибудь бумаги?

- Бумаги в кабинете. - Она вытащила пальцы, как будто ей стало неприятно. - Я тебе потом покажу.

- Ты все оставила на месте? - поразился он.

- А что? - спросила она воинственно. - Я должна все спрятать? От тети Нины с Сережкой? От мамы с папой?

- От того, кто убил твою бабушку, - сказал он жестко.

- Кирилл, этого не может быть.

- Тогда поехали в Дублин, - предложил он, - мы еще успеем. Самолет завтра утром. Визу я тебе сделаю за час.

Она отошла в угол и стала смотреть в окно.

- Я забрала ее дневник, - проговорила она из угла, - он в столе. Ты можешь его посмотреть, там нет ничего особенного. Она всегда вела дневник, считала, что это признак дисциплины ума. Ничего такого она в нем не писала - что сделала за день, с кем встречалась, что купила. Тоненькие тетрабочки, по тетрабочке на каждый месяц. В Новый год она их торжественно сжигала в камине, чтобы начать все сначала.

- Ну? – спросил он.

- Дней за восемь до... до того, как она умерла, она записала: «Меня очень беспокоят Настя, Сережа и Людочка».

Кирилл помолчал.

- Настя – это ты, Сережа твой брат и сын тети Нины, а Людочка кто?

Настя печально покачала головой:

- Я не знаю. У нас нет никакой Людочки и никогда не было.

- А какие-нибудь подруги?

- Не знаю, Кирилл. На работе у нее была подруга Эсфирь Модестовна. Они созванивались каждый день. А больше я никого не знаю.

- Почему ты ее беспокоила?

- Из-за Киры. Он бабушке очень не нравился. Она нас с ним однажды увидела на Невском. Вызвала меня к себе, закатила скандал, сказала, чтобы я и думать не смела о нем. Я слушала, кивала, потом разозлилась, мы сильно поссорились. Она даже говорила, что лишит меня наследства.

- А ты?

- А я – ну и пожалуйста. Я сказала: ты проживешь еще сто лет, и мне твое наследство все равно не достанется. Ну, она засмеялась и сказала, что я просто глупая девочка. А мне тридцать скоро!..

- Про брата ты тоже ничего не знаешь?

- Сережу она тоже очень любила. Он был вторым в списке. Он часто приезжал, и ночевал, и даже деньги у нее брал на какие-то книжки. Он арабист.

– Кто?!

– Арабист, – повторила Настя и улыбнулась, как будто Кирилл был умственно отсталый, – специалист по арабскому языку и странам Ближнего Востока.

– Он дипломат?

– Он ученый. Читает манускрипты, делает всякие научные переводы. Книжку написал «Арабская скоропись». Правда, это не совсем книжка, а такая маленькая брошюрка, но все равно...

Кирилл не мог себе представить никакой более бессмысленной работы, чем изучение арабской скорописи. Ладно бы он ее изучал, чтобы торговать саудовской нефтью, но изучать ее просто ради интереса и потом еще написать про это брошюру казалось ему дикостью.

Впрочем, его дед был деревенский плотник, а вовсе не главный инженер Волховстроя. Может, в этом все и дело?

И арабист так беспокоил бабулю, что она записала это в дневнике.

– У него тоже был неудачный роман?

Настя посмотрела как-то странно:

– Я тебя с ним познакомлю, и ты сам решишь. Я про его романы ничего не знаю.

– Он голубой? – осведомился Кирилл.

– Сам ты голубой, – ответила Настя.

Синие чашки на белой скатерти, лохматые цветы в пузатой вазе, солнце на плиточном чистом полу, запах кофе и черной смородины – фильм продолжался как ни в чем не бывало.

– Что-то вы так задержались? – спросила тетя Нина, глядя только на Настю.

– Мам, они вообще могли до утра не показываться, – сестра Света выпустила из совершенных губ совершенное колечко дыма и сняла совершенные ноги с плетеного кресла, – и их бы все отлично поняли. Садитесь, голубки. Свободные места в разных концах зала. Вы как? Переживете?

– Кофе, – Муся, на этот раз без банданы, протянула Кириллу чашку. На блюде лежала невесомая серебряная ложечка. – Сливки? Молоко?

– Нет, спасибо, – отказался он и в кресло не сел, пристроился на широкие деревянные перила за спиной у Насти. Ему не хотелось целую неделю выдерживать Светин прицельный огонь, а для этого нужно было сразу расставить все точки над і.

Он почти навязался Анастасии Сотниковой именно потому, что до смерти боялся таких, как ее сестрица. Грудь он уже оценил, ноги видел, больше она его не интересовала.

Подумав про грудь, он моментально вспомнил, как Настя прижималась к нему, когда они целовались, и сидеть стало неудобно. Он поерзал на перилах, чуть не свалив свою чашку, и тут увидел на крыльце бледного очкарика в подвернутых джинсах.

– Привет, – сказал очкарик, – вы Настюхин Кирилл?

Пришлось все-таки соскочить с перил, чтобы пожать очкарику холодную вялую руку.

– Кирилл Костромин.

– Сергей Петруничев, очень приятно. Настюха, как твоя машина? Влад тебе ее сделал?

– Сделал, Сереж. Все нормально, бегают.

– Эту машину давно пора выбросить на помойку, – заявила Нина Павловна с террасы, – я скажу Диме, чтобы он отдал тебе мамину «Волгу». Все равно она сгниет в гараже. Или Дима собирается на ней ездить?

Дима, надо понимать, – Настин отец и тетин брат.

– Я не знаю, тетя Нин. А на «Волге» я все равно ездить не буду. Это не машина, а моторная лодка на колесах. В прошлом году...

– Все равно она новее, чем твой рыдван. Я не понимаю, почему родители тебе разрешают на нем ездить. Хотя, конечно, твоим родителям дела ни до чего нет.

– Тетя Нина!

– Но это же правда, – сказала гоночная яхта с некоторым удивлением, – им некогда, они у нас деловые очень. Ну, с Юлей все ясно, а вот мой брат меня удивляет всю жизнь. Никогда не думала, что твоей матери удастся так его изменить. Молодым он был совсем другой.

– Мам, успокойся, – попросил бледный арабист и умоляюще посмотрел на Кирилла, – что с тобой?

– Да ничего, – сказала Света, вновь пристраивая ноги на пустующее кресло, Кирилл был совершенно уверен, что ноги были пристроены на его счет, – просто это была идиотская идея – собираться тут и устраивать семейный отдых на лужайке. Конечно, раз Настеньке надо, Настенька никому вздохнуть не даст, все по-своему сделает. Так что теперь все должны терпеть и улыбаться.

– Свет, я никого не заставляла, – проговорила Настя довольно миролюбиво, – я всех попросила приехать, только и всего.

– Ну да, – согласилась Света, – попросила! Да если бы мы не приехали, ты бы целый год в истерике билась, а мы бы все были свиньями. Настенька у нас кремень. Скала. Вся в бабулю, – это было сказано специально для Кирилла.

– Я сегодня с утра косил траву, – объявил Сергей тоном толстовского героя и потолстовски же мечтательно вздохнул, – это такая красота. Чувствуешь себя

чудесно, солнце светит, травой пахнет, над головой...

- Небо, - подсказал Кирилл. Ему было смешно.

- А? - переспросил очкарик растерянно.

- Над головой небо. Или я ошибаюсь?

- Нет, это невозможно, - громко объявила тетя Нина, - Настя, я тебя прошу, отправь его обратно в город, или мы всерьез поссоримся. Надо же, как люди умеют пользоваться чужим несчастьем!.. А Юля с Димой куда смотрят? Я должна сегодня же поговорить с Димой. Что это еще за беда на нашу голову!

Кирилл подмигнул растерянному арабисту, приткнул свою чашку на темный буфет, взял Настю за бока и одним движением пересадил из кресла на широкие перила, лицом к заливу и спиной к семье.

- Смотри, там какой-то корабль, - сказал он и дунул ей в шею, - здоровый. Вы не знаете, Сергей, здесь ходят военные корабли?

Очкарик сошел с крыльца и стал послушно смотреть на залив.

- Сторожевики, бывает, ходят. Мы с Настеной однажды утащили дедов бинокль на залив и целый день в него смотрели.

- В шпионов играли, - добавила Настя и сбоку посмотрела на Кирилла, очень близко.

Он слышал запах ее духов, ненавязчивый и прохладный, ее волосы лезли ему в нос, и было приятно, что он стоит так близко - руки на перилах, по обе стороны ее бедер, - и она не пытается вывернуться, как тогда, в комнате, когда он понял, что если он ее не поцелует сейчас же, то с ним обязательно что-нибудь скверное сделается.

- А потом мы его утопили, - сказал вдруг Сергей и засмеялся, - я имею в виду бинокль.

- Ты зачем-то полез с ним на камень и уронил, - перебила его Настя, - а там довольно глубоко...

- ...и мы потом ныряли по очереди, но так и не нашли...

- ...там не только глубоко, там ил и ничего не видно...

- ...и мы решили, что домой не пойдем, а ты стала реветь и сказала, что хочешь домой, а я знал, что мне попадет больше, потому что я старше.

- И мы все рассказали Зосе Вацлавне, помнишь? Бабушке боялись, а ей рассказали. Это домработница, - объяснила Настя Кириллу, хотя он прекрасно помнил, что это домработница. Объясняя, она слегка поворачивала голову в его сторону, так что ее губы почти касались его щеки, и в голове у него становилось как-то тяжело и пусто.

- Зося Вацлавна долго ахала, поила нас чаем, и мы вместе придумывали, что мы наврем бабушке, - подхватил Сергей.

- А бабушка сказала - ах, что за ерунда! Мне вовсе не нужен этот бинокль, я в него ничего рассматривать не собираюсь, а вот вы остались теперь без бинокля!

- Если бы я его утопила, - вдруг неторопливо произнесла Света, - она бы меня на порог не пустила.

- Муся, почему я не могу дозвониться до города?

- Межгород не соединяется, Нина Павловна. Здесь так иногда бывает.

- Mam, куда ты звонишь? - спросил Сергей, не отрываясь от залива.

- Настиним родителям, разумеется.

- Они сейчас приедут, тетя Нин. Ты все им скажешь лично. Только Кирилл я все равно никуда не отпускаю. - Это было сказано так решительно, что Кирилл слегка отстранился и посмотрел на нее.

Она в самом деле не хочет, чтобы он уезжал, или продолжает игру в сыщиков и воров?

– Я никуда и не собираюсь, – пробормотал он и, не удержавшись, сунул нос в ее волосы. В последний раз женские волосы всерьез занимали его, когда он познакомился с Луной. У нее были длинные слабые платиновые пряди. Ничего общего с Настинными, темными и гладкими, похожими на прически на египетских фресках.

– Ужин будет в семь часов, – объявила Муся.

Сериал «Быт помещика» шел полным ходом.

– Накройте, пожалуйста, в доме, Мусенька, – безразлично велела Света, – здесь вечером противно.

– Сами накроем, – заявила Настя и все-таки вывернулась от Кирилла. – Теть Нин, вы привезли мясо?

– Конечно, – ответила та как ни в чем не бывало. Как будто не она только что организовала и провернула маленький поучительный спектакль для племянницы и ее ухажера, – в холодильник не клала. Оно в раковине на кухне.

– Делаем барбекю, – объявила Настя. – Сереж, доставай барбекюшницу, Свет, ты моешь овощи, а мы с тетей Ниной...

– Я понятия не имею, где она, – немедленно занял арабист, – в прошлый раз Влад, а в этот раз...

– В этот раз ты, – приказала его мамаша, – тебе поможет молодой человек. – Кивок головой, подбородком вперед, в сторону Кирилла.

– Молодой человек поможет, – согласился Кирилл.

Настя, ее тетка и двоюродная сестрица живописной и вполне миролюбивой группкой устремились куда-то внутрь дома, где мелькала неутомимая Муся и откуда сразу слышался звон посуды, шум льющейся воды и, кажется, даже

смех, а Сергей, хлопая себя по карманам, очевидно, в поисках каких-то ключей, пошел вдоль дома и пропал из виду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/tatyana-ustinova/hronika-gnusnyh-vremen-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)